

Валерий Архипов

Жизнь — сказка

Издательские решения

По лицензии Ridero

2019

УДК 82-1

ББК 84 (2 = 411.2)6-5

А87

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Архипов Валерий

А87 Жизнь — сказка / Валерий Архипов. — [б. м.] : Издательские решения, 2019. — 132 с.
ISBN 978-5-4496-8948-1

«Жизнь — сказка» — книга избранных стихов поэта, известных по выступлениям, но редко публикуемых. В заголовке есть нота иронии. Высокая эмоциональность, сгущенность образов, невероятная экспрессия — все это позволяет звучать поэзии Валерия Архипова свежо и современно.

УДК 82-1

ББК 84

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Валерий Архипов ЖИЗНЬ – СКАЗКА

Об авторе

Валерий Архипов родился в 1951 в Чойбалсане (Монголия), но вот уже много лет живет и работает в Вологде. Окончил московский Литературный институт. Несколько лет был руководителем одной из литературных студий Вологды. Член Союза российских писателей с 2002 года.

Автор поэтических книг «Резервация», «Съемка рапидом», «Страсти по Эвтерпе», «Время дуэлей», «Выдумки мага», «Рас-

стрельные списки», «Между бранью и радостью». Пишет стихи, поэмы, драмы, прозу, рецензии. Ярко проявил себя как критик, наставник поэтической молодежи. Неоднократный участник «Рубцовской осени» в Вологде. Лауреат Международного литературного конкурса «Второй открытый чемпионат Балтии по русской поэзии – 2013 год».

В 2014 году В. Архипов стал дипломантом Прокошинской премии в номинации «За собственный голос в поэзии». В 2014 году выпустил поэтический сборник «Между радостью и бранью», который включает стихи последних к тому времени двух лет. Эти произведения неоднократно звучали на собраниях литобъединения, поэтических встречах, но ранее нигде не публиковались. Название для книги помогла подобрать писатель, кандидат филологических наук Татьяна Андреева. «В этой книге я постарался быть лиричным, уйти от политического пафоса, – рассказывает автор, – здесь вы не найдете и присущей мне порой жесткости, сложности. Если в начале моего творческого пути меня часто называли „неудобоваримым авангардистом“, то сейчас во мне видят автора, близкого к классической традиции».

В 2015 году вместе с начинающей поэтессой Юлией Пакляновой выпустил сборник стихов «Несовершенство». Название предложила Юлия. «Несовершенство» – слово, которое как нельзя лучше характеризует поэта – человека, находящегося в постоянном поиске, сомневающегося – и прекрасно отражает основную тему сборника – философию жизни и смерти. Не последнее место занимает в стихах и тема любви.

В поэтичку книгу «Жизнь – сказка» вошли избранные стихи, довольно известны по выступлениям, но многие не публиковались.

Колодец памяти

Свою первую рецензию на стихи Валерия Архипова я написал в конце прошлого века. Это была вовсе даже и не рецензия, а целая глава в книге «Харизма вологодской литературы», которую я в то время выпустил, а еще раньше опубликовал в литературной газете «Свеча» в 1994 году. И вот уже почти четверть века Валерий Архипов будоражит литературное сообщество своими выступлениями, презентациями, мастер классами, изданиями книг, успевая при этом получать премии, например, престижную Прокошинскую в 2014 г.

Его образ жизни похож на его поэзию и наоборот. Они громогласны и быстроходны. Чтение стихов Валерия Архипова предполагает выявление тех самых динамических отношений с написанными поэтом стихов в ученической тетради почерком третьеклассника, как на уроке чистописания, подчеркивая это голосовой выразительностью авторского чтения, превращая его в элемент поэтического произведения — все это вместе составляющих мультиобразность материальных свойств самой поэзии Валерия Архипова.

Они быстры, потому что живут и действуют, и одновременно архаичны, потому что вне сетей, вне Интернета, и вне любых цифровых носителей.

Выскажу «крамольную» мысль о том, что именно такая психологическая модель творчества и его восприятие легко информирует о появлении нового произведения искусства — они приходят не из «расшаренных» сетей, а из-под глыб быта поэта, насквозь пронизанного кинофильмами сороковых годов, стихами, разговорами о поэзии.

Итак, двадцать пять лет прошло с момента выхода первой книги Валерия Архипова. Это целая эпоха в жизни стра-

ны, в жизни отдельного человека, тем более поэта. Скажу более, это невероятно изменившаяся картина мира в глобальном масштабе. Тем более интересно увидеть, чем на вызовы времени откликнется поэзия Валерия Архипова. Однако, поэт не стал откликаться — книга, которую мы держим в наших руках обращена в прошлое, как колодец памяти. Это ретроспектива. Это the best Валерия Архипова.

Сейчас, когда я пишу эти строки, Валерий Архипов вместе со своим сокурсником Николаем Толстиковым уехал в Москву на встречу с выпускниками Литературного института, которые окончили его двадцать лет назад. Действительно, жизнь становится сказкой, если она наполнена прошлым, как колодец животворящей водой, дающей волю будущему.

Тем более интересно ждать от Валерия Архипова нового творчества.

Сергей Фаустов, критик

Падаешь медленно,
будто в кино,
Птичкой, камушком, дождиком, градом,
ранишь лицо свое бритвой. Не надо,
Не уходи от меня все равно.
Глаз твоих черные угольки
тухнут, не спрашивая прощенья.
День возвращенья —
как год воскрешенья.
Вьются, повьются твои мотыльки.
В сон окунись — там червонная дама,

ляжет на сердце вечная осень.
Вечная слава,
всевышнему слава,
что на руках тебя не уносит.
Поздний младенец вселенского рая,
бросишь платочек —
вырастет мостик.
Слышишь?! Пока что благоухает
поле в цвету еще просит в гости.
Спит на нем барином
поэт круглолицый.
Серенады кончились,
пошли склоки.
Дверь не открывай свою —
там убийцы.
Песен ты не пой моих:
век жестокий.

Стонет ясень

Провожая я тебя, провожаю.
Гул вокзальный прямо ломит мне уши.
отпускаю я тебя отпускаю.
Там под кожей шуршат наши души.
Захлебнусь в последний миг лютой болью.
Станет этот добрый лик мне ужасен.
Подойди же ты хоть раз к изголовью,
станет день тогда, наверное, ясен.
Или просто по весне стонет ясень,
взяли пьяные его да срубили,

А хотел пожить, наверное, князем,
не любили ведь его, не любили!
Вспомни, милая, свой класс и свой праздник,
в белом платье, в белом вальсе порхала.
И любил тебя один одноклассник,
ну а ты тогда со мной убежала.
Словно режем по стеклу и не больно,
словно бьем и ничего не боимся.
Жизнь — как минное в крови поле,
наступил на проводок — провалился.
Обниму тебя, как ангел, крылами.
Зря усмешку не бросай, губы спортишь.
Одноклассник твой замерз под часами,
только ты теперь его не воротишь.

Ты в моей комнате. Чья же ты чья?
Босиком по комнате, как по травке.
А потом во дворике судачили бабки —
Что ж это за краля? Чья она, чья?
В комнате моей тесно.
Стол. Диван. Кресло.
Ты в моей комнате.
Но чья же ты, чья?
Думал, будешь моей невестой.
Но ты пришла быстро и быстро ушла.
А запах французских со мной остался.

На столе расческа тоже твоя.
У бабушек во дворике спор продолжался –
Кто ж она такая?
Чья она, чья?

Лунные собаки

Ночью уснут даже те одинокие в белом.
Их дуновенья боимся, дрожим, не хотим.
Призраки ночи, собаки бездомные с гневом
смотрят на небо: А мы почему не летим?
Там и просторно и воздуха много без гари,
падали нету, лишь свечкою смотрит луна.
Здесь, на земле мы не мало всего повидали,
больше плохого, но наша ли это вина.
Лайка по небу летала откормленной сукой.
Номер не вышел, осталась на век зимовать.
Был бы хозяин, и мы б его добрую руку
молча лизали, хвостами бы стали вилять.
Вот обворованный сад вдруг заплачет устало.
Ветви-ревматики телом повержены ниц.
Кончится лето и детские жалобы: Мама!
Слижут собаки, как крылья раздавленных птиц.
Бедные псы, вы сегодня почти не одеты.
Ночь коротка ли? А есть у вас на ночь постель?
Девочка в туфлях малиновых, нежная, где ты!
В детстве осталась. Я нес ей из школы портфель.

Закатилась моя душа в колодец.
Голос стал и тоненький и ломкий.
Из-за опостылевшей мне телки
Стал я для себя седой уродец.
Добрая, лобастая корова
Языком с кустов слизала пену.
Я иду усталый, отупелый,
Но уже ко всякому готовый.
Знаю я, что накричит синица
О любви, о злой тоске, о муке.
Ведь не бред, не сон же эта жрица.
Вижу в кольцах чувственные руки.
Прелести воинственной русалки
Что-то мне расскажут в упоеньи
И придет лесное вдохновенье
В чуть позеленевшем полушалке.

Останови растление ума,
что бы тебе судьба в платypiшке красном
ни говорила, притворись несчастной,
сдави виски, восторг сгони с чела.
Пусть музыкой войдут мои шаги,
перетерпи нахлынувшую радость.
Представь, что по ступенькам сапоги,
что похоронка или даже старость,

но только улыбаться не могли.
Но вот когда развернется земля
и сад умрет, где был тобой любим я,
где ты была прекрасна как заря,
но вот, как лишаи, концлагеря,
ползут по волосам твоим красивым,
ты улыбайся,
Улыбаюсь я.
Бегу в полубреду через овраги,
полуизбитый, дыбом голова.
Как быстро распадаются слова
о сладкой боли, о большой отваге.
Скажи мне: «Милый!..»,
спой мне, ради бога,
затей пирушку и захохочи
так, чтоб содрогнулись палачи.
Одень свои прекрасные одежды,
картошки смуглой в чугулке неси,
но веселись, прошу же, веселись,
кричи над вожденною землею,
что я с тобою,
я опять с тобою,
прошу тебя, как можешь, веселись,
а я тебя тихонько успокою.

Поздняя осень

Ты сказала — я вышел на круг,
на таинственный,
долгий,
небесный.

Ну а волосы рвутся из рук,
в неизвестность плывут,
в неизвестность.

А я может быть неба пастух.
Вот созвездие льва впереди.
Но костер нашей славы потух,
не успел разгореться. Дожди.
Я в объятьях твоих не сгорел.
Не поставить на вечную карту.
Гвозди в руки и вечный предел.

Беспредел,
как любовь к Бонапарту.
Бьет в висок мне пружинящий нерв,
как тревога, которой и нету.

Подними до молитвенных сфер
слабый дух мой, он просит ответа
на насущий вопрос бытия,
где желанную мысль не находишь.
Голос мудрости — злая змея
говорит, что ты снова уходишь
под нестыдный напев: тра-ля-ля...

Но вдруг дернешься,
вспыхнешь,
мелькнешь.

Стисну губы до боли, до крика
пусть исчезнет кристальная ложь

ты придешь в кандалах, но придешь
поздней осенью
девочкой дикой.

А монах за червонной стеной
не тебе ли кричит: Аллилуя!
Перетерпишь, предстанешь другой –
королевой чужих поцелуев.
Королева печальных дворов,
анфилад,
пирамид,
хуторов,
дай кандалные шрамы омою,
ведь по первому слову ОМОНЫ
оборвут нашу память, как плеть,
и запрут в золоченую клеть.
Или может ты станешь послушной.
Но не будь никогда равнодушной,
подскажи,
что ты хочешь летать.
Если хочешь, я брошу писать.
Если скажешь – исчезни,
взорвусь.

О любви

Самурайская моя нежность.
Как припадошный, убегая.
От любви я бегу, от детства.
От тебя бежать не желаю.

Пожалей
И к земле приникни.
Расстреляли,
А ты живая.
Как зовут тебя, я не знаю?
Эвридика?!
Прощай, родная.
Если б знал,
Пошел в полицаи.
Всех по пунктику –
Раз,
Два,
Три,
А тебе бы сказал – живи!
Профиль
Тоненьким перышком... чирк.
Так красива, что не узнали.
А когда к нам приехал цирк,
Танцевала ты,
Танцевала.
Зазывала, косой горбун,
Он тебя тиранил и бил,
Но наверное все же любил?!
Ты под куполом шла и шла.
Под тобою песок – могила.
Он кричит: Но... пошла, пошла!
Как игрушечная кобыла.
Ты единственная меня не забыла!
Я прошу тебя, чтоб не падала,
Чтобы шла, чтобы сколько могла, жила.
Эвридикой в еврейском гетто
И под куполом для зевак.
Пусть хранит тебя добрый знак

В это выстраданное лето.
Отвечай мне дождем печальным —
Там кого-то мы развенчали.
Повенчаемся ли опять?!
Эвридика — губы из кружев,
Не обнять тебя, не обнять.
На запястьях твоих полоски.
Вены резала?
Или в доски
Руки маленькие твои
Заколачивали гвоздями
Недоноски!
Пастор молится, сжав ладошки.
Неужели не сберегу?!
Я спасу — подожди немножко,
Задержишься на своем кругу.
В страшном сне я с вокзала выйду.
Чей-то шепот: уже обмыли?!..
.. И собаками во дворе
Девки уличные завыли.
Церковь в праздничном изваяньи.
Душу в мусоре изваляли...

Ну, а в общем-то мы от бога,

В палестинской желтой пыли.
Если можешь, то не грусти.
Плечи сумрачные твои
Растоптали,
Как павшим вечер.
Вот опять роковая встреча,
Красный крест на твоей груди...
Я твои ладошки сжимаю.

Ты, пожалуйста, не умри,
Оставайся в моей крови
Эвридикой во рву еврейском
Иль под куполом — «Все для вас».
После серии отпеваний.
Я по небу звездочку пас.
Эмеральда пречистой гавани
Как люблю твои очи матовые,
Как хотелось тебя обманывать,
Все шептать о своей нелюбови
И смотреть, как ты хмуришь брови
Где же ты живешь? обитаешь?
ПроФиль врезался орбитально,
Я молчу, я руки касаюсь —
Ослепительная касатка,
Ты меня насовсем бросаешь,
Пиджачок мой шальной снимаешь
Где другую такую взять?
Руки клинышком, как у чайки
Ты моя родовая знать
Эсмеральда пречистой гавани
Изначальна.
Чу, затишье-
Селена светит.
Где же ты? Выпивоха-ветер,
Поднимающий все на свете.
Ты отчаянный потаскун: руки-плети,
Грехи замаливай.
Видишь, где-то сияет зарево.
На рассвете я сплю. Прости.

Дорогая моя, невенчанная.
Ты прости, что тебя оставил.

Не увел, а вот так оставил,
Просто так
В белокрылой спальне.
Эсмальда пречистой гавани
Вся как в тайне.
Я любил твои очи матовые.
Пусть не бранится твоя матушка.
Я себя рассек аж до крови,
А по небу черкнула радуга.
Небу больно и сердцу больно.
Ах, любви твоей довольно.
Спи спокойно.
Эсмальда пречистой гавани,
Спи спокойно.

Нету больше черных дней,
Только белые
То недели пролетели
словно пули.
Что же только мы с тобою не делали.
Карты вдали, а цыгане обманули.
И теперь в экстазе мир любовь купает,
Шепот, руки, разговоры, поцелуи.
А моя хорошая меня не понимает,
Не жалеет, не клянется, не ревнует.
Мне смешно, что я с такою
слишком добрый —
Мне бы взять да и уехать на край света,

И умчит меня курьерский скорый,
Без судьбы умчит и без билета.
И вторить мне будут кедры, веселясь,
Ну, подумаешь, беда, как мелодрама,
Будешь ты у нас таежный князь,
А потом отыщется и дама.
Разве только от тоски на Север рвутся?
Разве только от беды бегут куда-то?
Нет, недаром с Севером сольются
Наши души – верные солдаты.
Дни – как пальцы
рук любимых, женских, тонких,
Их не перечесть в тумане белом,
В поцелуе трепетной девчонки
И в прикосновении несмелом,
Вы смелей любите,
дни строги,
А любовь не остается ждать у моря
Прокричат под утро петухи,
С нашей правдой и с собою споря.

Мы встретились на кладбище любви,
где Маяковский встретился с печалью,
зовущейся так коротко – Лили,
а дальше камень, сумрак и молчанье.
Мы встретились на краешке земли.
Бродили молча, не в руке рука,
а просто так как будто лет на двести

раскинулась дорога как река,
а там в конце ступени в поднебесье.
А там уже тот беспощадный рай,
но дверь туда, она закрыта прочно,
хоть песни пой и хоть стихи читай,
не вышел час, не велено, не срочно.
Еще, наверно, не пропел петух.
Ты мне последних строк на прочитала,
моя погибель, ты одна из двух,
одна ждала, другая уплывала.
Одна ждала на кухонке в углу,
подмяв халатик старым табуретом,
и вся боялась — вдруг и впрямь умру,
а впереди безжалостное лето.
Мы встретились на кладбище любви,
где есть свои законы и приметы,
И ты, другая, скажешь «позови»!
А я другой не дам тебе ответа.

Читали книгу Бытия,
брели в болоте лжи,
ты говорила — я твоя.
Люби меня, кружи.
Читали книгу как в запой
меж нами все ножи?
Но вдруг шепнула снова «мой»,
возьми меня, дрожи.
Дрожи, ведь холоден огонь

в обмане тайных встреч.
но только душу мне не тронь,
ее хочу сберечь.
Но как же так? ведь ты моя,
клялась на белый свет.
Поверил глупый! Соловья
не держат в клетке, нет...

Январь

Январь — ты усталый мальчик,
Любовнице греешь пальцы,
В объятьях ее задушишь.
В морщинках искрится шея
И корни волос краснеют
От жара цветного камина.
А ты ведь была балериной?
Носилась, как лань, по сцене.
Теперь сидишь на коленях
Под треск цветного камина
И жизнь пробегает мимо.
Как рослый в чирьях послушник.
Не бойся меня, послушай.
Не спи. Бог с тобой, родная.
В буфетике дверь резная
Скрипит несмазанной ленью.
О, эти ночные бденья,
Как были вы все прекрасны.

Под треск цветного камина
Читаю тебе Шекспира,
Любовнице простодушной.
Январь согревает души.

Не случайна минута,
Когда будешь доброй и слабой,
К своему королю
ты отыщешь тропинку у гроба.
И предстанешь такой же
как все,
Захлебнувшейся в сумраке бабой.
И в последнем прощении
В профиль вы стиснуты оба
Вереницею судеб колонны,
Колонны,
Колонны,
Эшафотова смерть.
Видно все-таки ты виновата.
Я приду пьяным бардом
По счету уже миллионный.
И что скажет мне червь,
Перебитый садовой лопатой.
Ну, а он рассказал бы
Оборванный, нищий.
он знает:
Не минует и нас
Пресловутая эта забота.

Горсть земли напоследок
Вам в душу летит, согревает.
Ну, а дальше — покой,
Он для мертвых все та же работа.

Шанель номер пять

Не надо спешить, обличать иди лгать,
не надо бояться иудиних вздохов,
и чью-то безмолвно кричащую мать
не надо на голом перроне пугать,
не надо стрелять по крутым скоморохам.
Ведь каждому здесь не избегнуть суда,
какая поможет тогда заграница?
Деввица-раешница скажет мне «да»,
В мозгу три извилины сходят с ума,
а в мыслях и в сердце живут небылицы.
И злая истома и мрачность питья,
бедовая шлюха устанет ругаться.
Шанель номер пять — мое звонкое я,
моя чернобурой лисою судьба
кого-то любить и
кого-то бояться.
И биться с судьбою один на один,
стремиться к тому, чтоб не сбылось,
не спелось,
и плакать хотелось средь темных гардин,
и слушать забытый совсем клавесин,
вдыхать гомон птиц и осеннюю
прелость.

Шанель номер пять я тебе подарил,
ресницами жгучая вышла босая,
а что я еще там тебе сотворил
из крови и пепла, из ада и рая.
Моя дорогая тебя я любил,
кристаллинкой чистой тебя
обронил,
по шарикку бусы в траве собирая.

Жизнь

Хромою уточкой оттаивает жизнь.
молюсь поспешно, фюрер бесноватый,
а кажется, что стукнула лопата
по прошлым плачам, через вопли тризн.
Не отводи недетское лицо,
в губах застыла тонкая улыбка.
Все рушится, все тленно так и зыбко.
Вертись, катись земное колесо.
А может быть приду сюда чужим
и женщина не напоит с порога?
Ребенок не покажется своим
и тяжким сном окажется дорога.
А тот, кому не подал я на чай,
мне в спину смерть напустит невзначай.
Приди ко мне, святая недотрога,
с тобой хочу я путь свой скоротать.
А разве ты не будущая мать
с застывшим пеплом на тугих ресницах?
Мне показалось, у прохожих в лицах

какая-то ступила благодать.
Пойду в хибару черную мою,
где можно потихоньку помолиться.
Но чу... Ты на пороге в рукавицах
Изодранных мне говоришь «Люблю!»
И я прервусь и молча подойду,
тебя по волосам льняным поглажу,
с собой уже, наверное, не слажу,
не отторгну, а просто припаду
к вискам ручным, к глазам ее бедовым
себя храня за свой анахронизм,
за все за то, что стало ясным, новым.
Хромою уточкой оттаивает жизнь.

Позови

Пепел гостя моего
застучал пребольно в сердце,
Потайную эту дверцу
я нашел давным-давно.
Но не стоит рисковать,
жизнь не терпит опечаток.
Дом. Солдатская кровать,
За столом седая мать.
Танков скрежет по брусчатке.
Остальное — пыль и грязь.
Снежный ком куда-то мимо.
Церковь. Тоненькая связь.
Птиц весенних непролазь.
Запах Родины любимой.

И в в кладбищенской тиши,
раздаются перезвоны,
облаков твои узоры.
Похоронку напиши,
что погибла в одночасье
Ты – одно мое несчастье,
запах тлена и любви
Как в космической пыли,
трубный гул вселенной страсти-
Если хочешь, позови.

Не гадай, кукушка,
годы ветеранам.
Честный вор, веселый,
не шмонай карманы.
Нищими мы были –
нищими остались,
Раньше горевали,
а потом смеялись.
Дай собраться с духом,
наш отец небесный.
Раньше были вдовы.
А теперь – невесты.
И площадь бурлила
Свобода бессильна,
когда умирает закат
в глазах у любимых.
Какие нужны нам квартиры?

Остаться с тобою один на один, наугад,
не в шумном пиру, а средь тихого, ясного мира.
Закройте, пожалуйста, двери! Закрыли...
Заплакали девки в парадном надсадно,
Как будто кого-то в толпище убили
на площади, усланной лепестками,
у барда
какую-то песнь оскопили.
И СПИДом объятый, стоит Прокуратор,
а тот Прокуратор историей болен,
он смотрит в толпу,
что вся из героев.
Вот Юрий Гагарин по-прежнему строен.
По-прежнему строем шагает команда по морю.
.. О, это людское завидное море...
Кто сон твой спасет и его разгадает
под музыку вальса,
а вальс тот стихает, а вальс напоен
глухарей голосами.
И площадь бурлила...
А милую сжало веслом пропаганды.
Над Спасскою площадью били куранты.
Зловещие губы —
кого ты любила?
В коротеньком платьице цвета Монмартра.
Седые невесты цветами пугают.
Где князь ваш обманной?!
Стоит под часами?!
А руки?
Они вас уже не ласкают!
В оскале кричит гимназист из Самары:
А ну, не замайте!!
Вокзалы, вокзалы...

От той тишины, от вокзальной я болен.
Мне хватит историй.
История давняя – мальчик без троек,
в провинции тихой неловок, небоек,
Влюбленный в учительницу из ВУЗа,
в общаге живущей,
На ладан дышащей без юного друга,
спасателя с кругом.
А в кепке верзила,
В объятьях мечтавший
метанья ее по-хозяйски облапить.
Но мимо и мимо.
Хотелось потрафить,
несчастному гению свечкой накапать,
прочесть поминальную,
господа все не вспомнить,
а просто молиться о чуде, о девке,
о школьном шальном будуаре, о маме,
о сном утомленной грудастенькой даме,
о тоненькой веточке, сломленной в баре.

Пророчица вся в черном (сон ли явь?)
гадает на истории страницах.
Мелькают рожи, хари, даже лица –
Но только ты любимую оставь,
ведь ей не пролететь на колеснице.
Вот буйство красок – расцвела сирень,
приходит отрок босый ниоткуда

и колокола суздальского чудо
зовет на плаху или в новый день.
Я выйду из острога своего,
как эмигрант войду в твою обитель.
Останься здесь, моей судьбы спаситель,
гадалка знает, больше не соврет.
Уж не за мной ли мчится истребитель
с крестом пурпурным и в оскале рот.
Кричит неуспокоенный народ —
Ату его, проклятого Бориса!
А кажется — за шиворот мне крыса,
спасаясь, забежала на часок.
Нельзя срывать истории листок,
который и не познан, и не прожит.
Давай покурим? Ты присядь, браток.
Обращение к истории
Уж год прошел и снова эта пятница
И роковая в жизни полоса,
Я отдал все за шелковое платье
И за немного серые глаза.
Она такая крашено-кудрявая
И по-собачьи преданно глядит.
Вот так и улыбаюсь, мелко плавая,
А душу что-то ранит и саднит.
А в скопище поэтов и мечтателей,
Где каждый сам себе Аристофан?
Пробуется из среды гробокопателей
Какой-то необмытый арестант.
Читать начну и слезы низко капают,
Читатели уже приходят в раж.
А критики статейки звонко стряпают,
Что я певец помоек и параш.
В тридцатые я не писал про Сталина,

Стахановцев не взвел на пьедестал,
А я пришел на кладбище печальное,
Знакомые все лица увидал.
Лежали все, герой ты или праведник,
Отказник или просто дуболом,
Уходят в вечность то партийный ставленник,
То клязунник с клеенчатым столом.
А что осталось? В лжи купались книги,
Коней купали, брали в лагеря,
Плелись такие жуткие интриги,
Аэропланы перли за моря.
Росли и мы в детсадовском хоре,
Как в лагере перемещенных лиц.
Наевшиеся той военной боли,
Хотели жить. А значит падать ниц
При фараоне или дураке
Но только со строною наравне,
В доне напротив плелись интриги-
Диссиденты зашевелились.
Только что минул партийный съезд-
Салют товариш\щу Сталину и КПСС.
Опять СС?
Опахнуло кровью.
Тысячи трупов на Колыме.
Поэт – галстук с бабочкой?
Все с любовью.
А кто-то баланду хлебает в тюрьме.
А может все сон дурной и нудный?
Давится щами последний Иуда.
Снова поем мы песни хором
Про добровольцев на целине.
Угрозы, допросы, шантаж,
Наговоры.

В харю двинули? Только не мне
Не лей помои в сталинский ряд.
Тан где герои гражданской сидят.
Все как один они сыты к злы.
Сам Ворошилов сидит впереди.
Сын мой,
Теперь ты не бойся его.
В бронзе он выкован и ничего.
Много осталось слов про запас,
Старой гвардии кончился срок.
Девочка. я приглашаю на вальс,
В сущности очень я одинок,
Будто военный в шинели битой.
Переступаю знакомый порог
Там, где звонок
От тоски разбитый
Руки сомкну –
никуда не выбежишь?
Не выходи за черту –
Там гибель.
Пусть он останется,
Сад Нескушный.
Пусть его позабавит ливень
Тридцать проклятый,
Семьдесят душный.
Стекла в истории моей выбей.

Студент жевал калач московский,
а где-то сани запрягали,
шинельный шелест тускло-жесткий
смешался скорбью над главами.

Стояла женщина понуро
усталый взгляд уже не пряча
и было, стыло, скучно хмуро,
но ни знаменья, ни плача
не чуял век. И исподлобья
читая свежую газету
бранился барин, что не стало
еще какого-то поэта-

Как все неожиданно это было-
Глаза его покрыла мгла-
Россия Пушкина любила,
но все-таки не оберегла.

Студент жевал калач московский
и изо рта летели крошки,
он торопился сесть на дрожки
туда, туда где он желал
увидеть завитые баки.

А где-то лаяли собаки.

Москва скорбила, но жила.

Наташа глаз не отводила
и у нее в глазах застыли
и площадь, и колокола,
и монумент нерукотворный,
и жезл великого Петра.

Студент спешил засесть на дрожки
и всем пиитам на дорожку

готов был чарку поднести,
чтоб помянуть, произнести
последнюю и роковую
святую клятву «алилуйя»
кричал в неистовстве монах.
И траур расплескался в снах
его друзей, его любимых,
его врагов, ему постылых
и вседержителя взял страх.
Пригрезилось – босой ребенок
штыком солдатским был заколот,
а дальше, дальше тишина.
Студент жевал калач московский
и ждал, что вот придет весна.

Январь. Новый Год
Елка. Старый Дед Мороз
в сталинской фуражке.
Интендант тебя привез будто бы из сказки.
Не творите чудеса, оборотни злые
ведь у девочки глаза слезно-голубые.
Приходите в эту ночь взрослые и дети,
эта маршальская дочь сирота на свете.
Нет героев для нее, сказок нет я были.
Белоснежное белье постелить забыли.
В полночь кончится вражда, прозвенят бокалы,
а на елочке звезда загорится ало.
Зашумит высокий стол, дрогнет занавеска.

Ну, куда же ты ушел, маршал Тухачевский?
И пошла игра теней. словно ниоткуда.
Спит ребенок — сладко ей и пребудет чудо!
Не придется ей кричать «семьдесят шестая»!
Ведь придет, придет опять мама молодая.

Белый стриж

Не мучай старых лошадей,
Не трожь залетных птах.
Как будто знойний летний день
Застыл в твоих глазах
Виденьем серым в этот зной
Среди чужих теней.
Как мальчик старый, но живой
Бродил Хемингуэй.
Нам в окна дождь холодный бил,
Стекал с узорных крыш.
Косую девку полюбил
веселый белый стриж.
Но ты, детеныш, не ревнуй,
Ведь в этом весь вопрос :
Ты молода, как поцелуй —
Я стар, как верный пес.
И в клетке нашей обжитой
Нам места не найти.
Нам для любви не достает
Огарочка свечи.
Не бойся. Ведьмы злой порыв
Не тронет плоть твою.

Я помолчу, как старый гриф,
В последний раз люблю.
Поленья поздние любви
Сгорят в твоих глазах
И в душу к нам войдут в крови
Болезнь, дорога. Прах,
Нам в окна дождь холодный бил-
Но ты не спи, малыш.
Косую девку полюбил
Веселый белый стриж.

Чапаев скачет

Чапаев Вася, глаза замуривая,
думал, что он погибает не зря.
Рядом Урал, от зари прикуривая,
жарил последнего глухаря.
Где комиссары в «в пыльных шлемах»?
Прокомиссарились? Ать, два, левой!
Где же вы красные, что били белых?
Левой, левой...
Кто придумал, что солнце слева?
Спишь, комсомолочка, ноги белы...
Воюешь с Антантой?
Антанта, дай хлеба!
Ленин в Горках с голода пухнет,
просит НЭПа!
Мудрый сказочник, заступник народный,
на фотографии кошку гладит.
Гладит кошку дедушка сумасбродный.

Сын твой верный тебе не подгадит.
Ночью вскочит опять в атаку.
Год девяностый, а он все водит
словно Сусанин, врагов по парку,
будто не знает, что век уходит.
Теща не знает, что будет завтра,
дочка-студентка рвется на запад.
Там на западе хлеба вдосталь,
там на западе парни «в доску».
Девочка, хлеб там не пахнет воском?
хлеба там нет, апельсин в полоску.
Горсть земляники тебе на завтрак.
Мамы там знают, что будет завтра?
Боятся Брежнева или Тито,
зато границы уже открыты.
Выбеги в поле красивой ланью.
Больно, но все же свобода ближе.
Столб полосатый не в лад с моралью.
Но объятя твои с Парижем
теплые знаю, заветы в прошлом.
чтобы тебе там не говорили,
девочкой ростом с цветной горошек
мечешься, хочешь чтоб полюбили.
Вдруг комсомолец винтовкой шаркнет,
будешь кружиться ты в танце вечном
в небе блестящей, садистски жарком.
Тучкою станешь — дождик прольется,
солнышком выйдешь — малыш заплачет.
Девочка, сердце птичкой забьется,
девочка, слышишь — Чапаев скачет.

Колыбельная

Спите себе, детки,
Все равно какюк.
Падает ведро
из замерших рук-
Доброе и злое
у судьбы лицо.
Пейте на здоровье
красное винцо.
Спите себе детки,
Все равно война.
Убежать бы в поле,
да стоит стена.
То ли это бойня,
То ли лазарет,
То ли добрый ангел
Кличет на обед.
Вы не бойтесь. Розы
Не для вас сорвут.
Вы не бойтесь. Слезы
Рукавом сотрут.
Вы любите черти,
Девочек и вдов
Ведь до самой смерти
Восемь долгих снов.
Спите себе детки...

Плюнул я истории в глаза,
покатилась мамкина слеза.
Наступил на череп я и кости —
целый год никто не ходит в гости.
Ты прости за этот дикий бред,
жизнь уйдет все-же кто-то скажет:
на Руси был и такой поэт.
Подойдет и снимет шапку даже.

Вот упал он и жалобно хрустнул
снег под ним и покрылся кровью.
В тот момент человек и снег
исказились болью.
Так смертельно был ранен Пушкин.
Говорят — за версту слышали,
как на этой белой опушке
звонко выстрелы прозвучали.
А потом под вороний гомон
сани трогались и бежали,
и везли убитого к дому,
ну а там убитых не ждали.
Вот опять белоснежная спальня
или все еще снег холодный?
Нет, вот рядом его Наталья,
а за нею весь свет придворный.

Пошли прочь!
Потушите свечи!
Уберите попа-каналью.
Жить осталось последний вечер...
Как тогда Натали блистала
на балу в день их
первой встречи...
Дай обнять твои гордые плечи,
отойдет скоро ангел в вечность.

Трамвайное одиночество

Отчего ж я, брошенный в трамвае,
маленький и жалкий, и смешной,
парою московскою в угаре
сотворен с истерзанной душой.
Я гляжу на мир и плачу, плачу,
и ручонки тянутся ко всем.
Женщина, красивая, как дача,
где я жил, возьми меня совсем.
Женщина, как тортик изумрудный,
тронула мой посиневший лоб
и сказала – это очень трудно,
жить, не понимая добрых слов.
Ничего. Я мальчик безутешный,
мне не надо шума и вранья
Видно, я родился в час кромешный,
в час, когда забыли про меня.
Дайте же мне ласки и заботы,
Вы, священник добрый и седой,

вы, солдат из безымянной роты,
вы, девица о крашенной губой,
вы, старушка дряхлая, как фея,
вы, юнец с пацанкою в дверях.
Я гляжу на вас и молодею,
а ведь я и так из малых птах.
А ведь я – младенец белокурый,
только что оставленный навек,
маленький, застенчивый и юный,
брошенный на землю человек.

С кого спросить

С кого спросить за эту ложь,
за этот стыд, за эти муки,
за то, что ты роняла брошь
на коврик вечности-разлуки.
Но только душу не тревожь,
хотя твои иззябли руки?
ведь уронила «ну и что ж»,
зато ты долго проживешь,
ну а помрешь от черной скуки.
С кого спросить за стылый кров,
что не горит огонь в камине.
что мать опять пугает зов
отца погибшего в Берлине.

Избушка

сцены-стихи в шести главах

1

Жил-был колдун. Одни его
боялись,
другие били, прочие смеялись.
Он всем судьбу предсказывал свою.
Кому-то оставаться на краю,
кому-то по этапу отправляться,
а дурочке – ей целый век смеяться,
остаться старой девой, не болеть,
жить-поживать, а попросту смердеть.
Чиновнику одеться в белый саван,
приказчику испить вино с отравой,
почтмейстеру быть битому женой.
Лишь у меня сегодня выходной
и минет меня жесткая расплата,
но вспомнил я, что было тут когда-то,
виденье в белом через сто дорог.
На месте этом вырос бугорок –
могильный холм.

Потом могила вскрылась,
на божий свет селение явилось,
белели хаты, рдели терема.

2

Украва коня у пьяного цыгана,
я поскакал, не уменьшая шаг,
хотелось видеть город безымянный,
вина попить и поплясать гопак.
Зашел в избу, что на краю села.

Но скрипнула в передней половица
мне чудится все это или снится,
Здесь будто смерть страдала, но жила!
Широкий стол и четверо в шинелях,
пробитый пулей дышит котелок.
– Мы тридцать лет картошечки не ели –
– сказал старшой – садись и ты браток.
А страх вселился, не оказать словами.
Я шапку снял и молча им кивнул.
но вот один с кровавыми губами
мне ненавистью душу развернул.
– Я даже не успел сказать «ура!»
Снарядов нет. А впереди война!
Слюною брызгал и кричал «под танки!»
Какой-то не добитый коновал.
Пропитанные кровию портянки
я скинул и к лесочку побежал.
А гул стоял! Дышала дымом осень
земля спеклась от наших страшных дел.
Сержант весь белый, гладкий и безносый
на ходики старинные глядел.
– Среди вас поэт имеется, солдаты? –
– спросил их я. Блестели автоматы.
Тревога затаилась не во мне,
а в дереве, в солдатской кобуре.

3

Здесь каждый третий Пушкин поневоле,
чтоб чаще славить воинскую честь,
с горящими глазами сеять месть
и умереть не в лагере, на воле,
где снег блестит, где пахнет вдохновеньем

— Все говорил высокий и прямой
среди бойцов как будто бы чужой,
профессор в бой ушедший с ополчением —
— Мозги мои опутанные ложью
и ставшие пристанищем червей,
уже не будут вечности сильней —
сказал и замер, и воскликнул с дрожью
вчерашний школьник. а теперь герой.
Ах. что вы суки сделали со мной!
Ведь я не долюбил! И разве можно,
меня со всеми вами здесь равнять?
Меня еще по свету рыщет мать
с глазами зло таящими тревожно].
А я хотел бы убежать домой,
но дома нет, лишь только сны в овраге,
— сказал последний с кожей из бумаги
и обреченно пролитой душой
на угли зла из Дантовского ада.
Ах, как нас всех страшила канонад.
А девочка кричала мне «не надо,
Не умирай, побудь еще стерпи.
Но с медсестричкой нам не по пути-
Сюиту разложенья и распада
сыграют те, что дышат взаперти.
Костяшки удобряют корни сада,
а что еще там дальше впереди?
— Постой болезный, погоди не надо.
Дай дух нам всем сейчас перевести —
— за плечи взяв того, кто закричал,
— сказал старшой и усадил на место,
на черное от всех печалей кресло
последнего, что дольше всех молчал,
а может быть он истину познал,

сигналы посылая в сад небесный —
Ведь он последний даже не стрелял.

4

Но кажется, что становлюсь глухой
к чужим обетам боли и признаньям,
то призрак старшины, то призрак знания,
пожаром полыхали надо мной.

То вдруг молитва — Господи спаси!
— Живите с миром, мы б еще пожили!

— Меня свои когда-то замочили,
так пить хотел, хоть на стену ползи!
Вот темень, мрак и не видать не зги,
кругом вода сивашная, гнилая,
а медсестра сестричка фронтовая,
ты губы нацелованным не жги!

Глаза б закрыть, как спали на войне
и до конца бы ввек не просыпаться!

Зашейте дырку у меня в спине,
сил нет терпеть.

— Вы пожалейте братцы!

О как болит!

— А как же там Россия? Стоит еще?

Я отвечал — стоит.

5

Как быть и как преодолеть себя,
ведь смерть нема, хоть зубы и отучали,
они не знали — к радости, к печали,
их разбудил чудесник бытия.

Но пробудившись, двинулись за мной
обиды и напасти, страх и зависть,
и жен, и мам невидимая боль,
а что-то там внутри еще осталось,
кому-то смех, кому-то в раны соль.

Ну впредь тебе бездомному наука.
Ты прикоснулся к смерти, вот ведь штука,
а мне так захотелось вдруг любви.
Печальная избушка пахла тленом,
любить и петь казалось мне изменой.
«Дождусь конца». Оборвалось внутри.
Хочу на свет. — Да только свету нету.
Есть блики тьмы, а в них, как падаль я,
объятый страхом, отступил скользя
и в медный таз вступил с водой кровавой.
Весь в паутине, первый от меня,
кричал стихи и харкал кровью алой,
и радовались крови силы зла,
постичь желая, жизни смысл гуманный.
Пей кровопийца воду из ушей!
Иди сюда и сотни упырей
помогут нам схватить тебя за горло!
А младшенький с опухшим животом,
все вниз смотрел воинственно и гордо.
Наташенька!
Натаха дрянь такая,
почти невеста, ягодка лесная,
на **что** польстилась, пьяный **патефон**,
пустая болтовня и блуд на речке,
ну, а **со** мною, кроткою овечкой
прикинулась, не выжать в сердце **стон**.
А было б легче или пулю сразу
к виску и шипром пахнущая плоть
через пол-суток **стала** бы заразой
смердящею. Пол-суток и любовь,
пол-шага и окоп, пол-вечности
и стон над степью спящей,
и холодов иезуитских плен,

и теплота непознанных колен,
предсмертные стихи непониманья.
и вечный стон, и вечный долгий бой

меж страхом смерти, мирозерцанием
и человеком, что пойдет за мной.
И чей-то взгляд тишайший состраданья,
мятущиеся мысли в головах
теряющихся в ауре сознанья.
Не только б не услышали ищейки
и не загнали в обморочный страх,
удел рабов родной узкоколейки.
Ведь жизнь не мусор, что гниет в углу,
а божий дар! Да скоро ли умру?
Ах только бы не слушать,
а просто в иступленьи повторять
«спасите наши проклятые души»!
И с чьих-то плеч спадали стружья зла
в подталый снег, что спал в заветной хате.
— А вы? Что, заскучали по лопате? —
— раздался голос сбоку от меня.
То был колдун. Смеялся он и плакал
и прославляя мудрость бытия,
он руку подал мне и спас меня,
и вскоре все виденье стало мраком.

Белый парус любви – словно знак отступленья от истин.
Серый прыгнул туман и окутал меня с головой.
И ни капельки зла, и ни доли шершавой корысти, –
лишь сума да дорога в стремленье куда-то домой, –
где мой дом, где родня,
где кресты, где могилы;
где моя западня, та, в которую хочется верить;
где земля моя (Господи!), – вот она, чёрная, здесь.
Надышусь-наберусь её силой, и вот он я – весь.
Весь я в весях, в лесах,
в белых реках, что прут на изгиб,
в небесах, в ярых аистах (я к ним привык),
в тишине, в теплоте, где любовью напоенный дом,
пахнет тестом живым, пахнет женщиной, пахнет зверьём.

Играем Стриндберга, а хочется вина
И женщину – хотя бы и люблю.
Не обладать, а лишь сходить с ума,
Переживать, печалась и ревную.

Учите роль, пока мы живы все –
Красивые, весёлые, смешные.
И кажется, что всё это во сне:
На стол вино, ромашки полевые.

Играем Стриндберга, а за окном война.
Весна и лето — что это такое?
Кольчужка, шлем, да злые стремяна,
ШелкОвость губ, дыхание лесное...

Басурманят опять снегири
На застывшем от холода поле.
Ты, поэт, свою душу не рви, —
Ей, родной, уж не вынести боли.

Ведь она у поэта светла,
Ведь она не привыкла к угрозам.
И стихи, что сгорают дотла,
Для неё будто детские слёзы.

Мы напишем ещё и прочтём,
И уйдём, как уходят в иное,
Помолчать на родительский дом
На рассвет в белоснежном покое,

На застывших в полях снегирей
И на женщин не в меру усталых...
Дорогая, прости и согрей
Певчих наших. Они не для славы.

Мечтала ты в Венеции чужой
блистать и падать.
И в гондольем беге
так предаваться солнцеликой неге
чтоб кожу жёг стрелчонок золотой.
Ты будто бы красивее зари,
без пошлости,
Без томных воздыханий.
К тебе спешу
Не зная, что признание
моё к тебе уже летит вперёд.
Уже летит тот скверный анекдот,
что сочиняют глупые поэты
про то, что у поэтов есть приметы
вставать с зарёй, идти куда-то, бред...
Но всё-таки заря горит. Обед
пока не нужен, —
новый суп из кружев.
Я был тебе, пришедшим с юга мужем,
как мудрый Дож,
Венецией одет.

Стынет пунш одиноко в спальне,
крутит солнышко патефон.
Двести лет как стоит печально
дом на озере Балатон.

Выдаёт он, скрипя и плача,
ноты сонные, как стихи.
Этот дом — старикова дача
от обеда и до тоски.

Только ты — украшеньё в белом —
новоявленна и близка...
Костерком потянет сомлелым
длиннорвущаяся река.

Удушающий голос Вяльцевой,
платье в сборочку от кутюр.
Иногда ты ломаешь пальцы,
Сочиня ночной ноктюрн...

Между нами стена из кленовых листьев,
между нами война из белого снега.
Словно тёплый, сухой и скребущий выстрел,
телефонный звонок, просящий ночлега.
А минуты, они, расплескались градом, —

бьют в висок и уже никого не спасают.
Если я не приду к тебе, — буду гадом.
Пусть любовник милый тебя бросает.
Подберу и ладошки твои согрею.
Сотни линий найду и про всё узнаю.
Лепестки твоей памяти я развею
по стеклянной поверхности ада-рая.
Упаду, натолкнувшись на ветер быстрый,
словно лошадь от длинного злого бега.
...Между нами война из кленовых листьев.
Между нами стена из белого снега...

Бетховен плакал у каминных стен,
Забыв о том, что надо кочергою
Помешивать то небо голубое,
То варево из бледных сардинелл.

Потом кроил из музыки пальто,
Рука дрожала, пунш не доливая.
А так хотелось, будто бы играя,
Стихи слагать неведомо про что.

Вот и памятка в конверте.
И не надо лишних слов.
Мы с тобой уйдем от смерти
На четырнадцать шагов.
А когда река закрылась,
И пока рябина жжет,
Ты ко мне пришла, приснилась,
Или все наоборот.
Я пришел «рекой нарядной
По широкой мостовой»,
Ну а ты сказала: «Ладно,
Завтра будет новый бой!».
А сегодня в день известный
Я хочу любить и жить.
Может быть и наши песни
На мелодии сложить.
Запоют — известный тенор,
Попугай, малыш в кустах,
Или лучше певчий кенар
На пустых пока гробах.

Уверяли —
Ты тоже когда-то красивой была.
Рисовалась какая-то странная бледность.
А когда ты по синему морю плыла,

Вслед моряки шептали тебе: «Неизбежность!».
Уверю,
Ты тоже когда-то красивой была.
Взор ловил ускользящих ног перестуки.
А когда ты по белому небу без крыльев плыла,
То шептали рабочие: «Ну, и везет этой сукле!».
Уверяла:
«Я тоже когда-то красивой была».
Хохотала братва, и смеялась беззубо старуха,
А какой-то торгаш или пьянь, закусив удила,
Тебя лезвием резвым ударил по левому уху.
Ты заплакала в крик,
ну а я побежал и простил,
И платком своим грязным
прижал твою красную рану.
И целуя лицо, что молило меня: «Поддержи!»,
Я купался в садах полубреда и полубобмана.
Уверю,
Что краше тебя в этом мире лишь дом,
Где ты будешь цвести в ароматах сирени и липы.
В этот мир, бесконечный, мы вместе с тобою войдем,
Привидений печальных услышим знакомые всхлипы.

Пахло клевером. Медом, страхом
На границе души и тела.
Было только чуточку странно,
Необыденно без предела.
А потом, после сна любви,

Когда ложе еще не остыло,
Вдруг пришел Сальвадор Дали,
И ты его в дом пустила.
Он принес горсть морошки и
Попросил у тебя побриться.
Ты дала ему опасную бритву и
Начала на кухне своей молиться.
А когда ты в ванную свою зашла,
И увидела море крови и лужу,
И кораблик белый, и паруса,
А потом, все как есть, рассказала мужу.

Мы ранены
на маленькой войне
такой смешной
что не сказать словами
ползла разведка
по большой волне
кругами всё кругами всё
кругами
бежала тварь
о трёх ногах
дрожа
мутанты ли
калеки ли

не знаем
в сердцах у нас
два ледяных ножа
два мальчика зачатых перед маем

Я боялся коснуться твоих овалов,
я боялся дрожи по белу телу,
а ещё я боялся один остаться
на краю, над пропастью, без предела,
а ещё я, ну это уже не важно,
а ещё, ну, подумаешь, затравили,
а ведь всё-таки было же и прекрасно:
голубки над озером голубили!
Я боялся вонзиться рукой прохладной
в древнерусский твой запах,
в твой лес колосьев,
пусть ты шепчешь, красивая:
Ладно, ладно
ну а мне всё слышится:
Осень, осень.

Я хочу прочитать икебану твоей груди
ты как после солёной пытки
мне скажешь: Жди
заветного клика
исторгнутого калиткой.
лебедей, рвущихся туда, где Бен Ладен
они все кричали нам: ладно, ладно.
И снова пауза лёд холодный
лёд на виски когда вдруг удушье
лёд на душе как грубая магия,
и вот:
так приходят злорадные злые звери,
мысли,
которые наоборот.
Мне опять говорят
на поэтов сафари время
а мне кажется 19 год
томик стихов
из-за тебя кошмары
из-за дерева прожитые глаза
убивающие
как обнимая
как — кунсткамера
сжирающая тебя.
Как всеобъемлющее простодушье
бьёт по щеке, играя в любовь
мёрзлые, бьющие в душу груши
и междометия
бьющие прямо в бровь.

Автобус

– Гражданин, не трясите мудями,
Предъявите мне свой проездной.
– не кричите, мамаша, с друзьями
Я хочу провести выходной.
Где ты, иссиня-черная «Волга»,
Что разбилась на пятой версте?
А друзья мои к Господу богу
Поднялись, но конечно не все.
Кто в дерьме извалялся случайно,
Тот в начальниках, этот в зека.
Им не благодать, а страшная тайна
Подсуропила спать на века.
– Задержись на минутку, попутчик,
Как мне краля знакома твоя.
Вспомнил – старя добрая сучка –
Настрочила в ментуру не зря.
И горбатился я, и метался, –
Справа стукнут, а слева утрут.
Я с голодной бадьей целовался,
Прославляя свой каторжный труд.
Ах, зачем ты на пику не села,
Забубенная краля теней?
Видишь, падла, в автобусе еду,
И немного похож на людей.
Ну чего кривишь рожу, солдатик?
Нахлебался, поди, горбыля.
Нам бы счас по бабенке в кровати,
Что икаешь, что мерзнешь, сопля?!
На кого-то ты очень похожий.
То не батько твой был – прокурор?

Ах, зачем я оставил свой ножик
У Галинки под пятым ребром?
Что, красивая куколка, жмешься?
Полюби и меня натошак.
Нет, друзья, с вами вовсе сопьешься
Или канешь опять в лагерях.
Ты, бабуленька, носа не вешай,
Я жалею твою простоту.
Ты обличьем святым и безгрешным
Так похожа на маму мою.
Что, кондуктор? Нет, я не рыдаю.
Просто соль мне попала в глаза.
Я бешусь, я кричу, я страдаю,
В небо белому богу грозя!
Так за что вы мне крутите руки?
Полминуты, и мне выходить.
Я умру от печали и скуки,
Ну зачем меня в харю-то бить?
Ну чего ты, дотошный, смеешься?
Иноверец, а видишь ли, то ж...
Ты пляши, ты пока что корежься...
Эх, в печенку тебе финский нож!
Ну не пачкайте — я после бани.
Ну зачем же гурьбой на хребет?
Я прошу, не пинайте ногами.
Гражданин, ведь у вас партбилет.
Дверь открыли! Неужто отпустят?
Я лечу на асфальт словно в рай.
Только в небе парящие гуси
Закричали мне громко: «Вставай!».

Всё началось с любви
а кончилось разлукой
с китайских черепков
и черепом Отца

Всё началось с любви
но обернулось скукой
с оранжевой свечой
у твоего лица

Всё началось с любви
а кончилось бумагой —
донос что я масон
донос что ты вдова

И покати́лась жизнь
скрипучей колымагой
наперсница родов —
она всегда права
И праведен наш сад
где Ева — хохотунья.
пусть тонок голосок
но ты в него войди

Всё началось с любви
а кончилось безумьем
коротеньким штрихом
на выжженной груди.

Мы слоников считали до утра
когда уже наскучат эти ночи
очей твоих небесных полумгла
на целый дюйм мне ближе
между прочим
тесна квартира –
сумрачен угар
удар
ещё
переплелись ногами
ах, как хотелось
чтоб взорвался шар
над нашими
больными головами
вот нет его
мы в космосе, друг мой
мы так с тобой улётно ошалели
что ты сказала
вижу, Бог седой
а я сказал
вот дьявол в колыбели...

Страсти по белому, чистому снегу.
Бабу мы лепим,
а может, гадаем.
Сердце отчаянно рвется к побегу.
Хочешь, сегодня в любовь поиграем.
Святки. А может быть чья-то немилость.
Дерево в поле. На дереве птица.
Это мы — двое и это нам снится.
Вьющийся холмик и вьюжная стылость.
В локонах дивных запутался пальчик.
Строгий овал рокового величья.
Выбегу в двери взволнованный мальчик.
Громко роняя восторг неприличья.
Руки сжимаю, о как ты желанна.
Слезы глотаю, опять ускользнула.
Ты словно с розовых красок Сезанна.
Тихо, таинственно, чудно уснула.

Женщина тушила сигареты
О мои роскошные сандалии.
И, наверно, это было летом,
Но не помню — как же её звали.

Может быть, она звалась Валею,
Катей, Анжеликой, Маргаритой,

Может, Анной? Юлией едва ли...
Женей? Акулиной? Афродитой?

Одиозных тех имён не мало,
Но впотьмах, казалось, не напрасно,
Что простейшим именем назвалось
Это существо в одежке красной.

Женщина курила, дым клубился.
Очертанье красных губ манило.
Неужели я опять влюбился?
...Мне об этом мама говорила...
Чёрный хлеб
Умер сын вчера, такой хороший.
Бабка, отревевшая войну,
вдруг сказала: «Будь, внучок, поплоше,
нужен был ли богу самому?

Он в раю, там финики и сливы,
для души там вечная весна,
только чёрный хлеб неодолимый
не обрёл там райские места.

А внучок едал его с охоткой,
в руку нетяжёлую ложил.
Только жаль, что с этой подлой водкой
мой хороший иногда дружил.»

И пошла, тихонечко вздыхая,
на погост, где внук её отстал,
и, краюшку хлеба вынимая,
помянула всех, кто здесь лежал.

И присела, выдохнула стоном,
всё, что накопила за года.
И клевали хлеб её вороны,
тишину взрывая иногда.

Я слышу твой запах, — ты пахнешь горячей ванилью.
И грязным дождём разразилась весна в неглиже.
И плакали реки, готовые к любвеобилью.
И чья-нибудь девочка плачет о мёртвом стриже.
Я слышу твой запах, — ты пахнешь и потом и спиртом,
шальными духами и замком в горячей заре.
А, может, церковною утварью да эвкалиптом,
да смазкой нагана, что дремлет в моей кобуре.
Я слышу твой запах, — он женский, он светел и грешен.
Молитву забыл, чтоб взойти на любимый порог.
И был почтальон, он пришёл из дождя безутешен,
как пёс беспородный, и голоден он и продрог.
Вот Ваше письмо, — оно пахнет желаньем да верой,
и запах так тонок и так устремляется ввысь...
А, может быть, пахнет мятущейся в небе Венерой,
а, может быть, запахом просто похожим на жизнь.

Орелия – чудесная страна,
кудесница и кузница и сказка.
Там всех влюблённых посылают НА,
и те послушно надевают маски,
чтоб переждать ту скромницу болей.
Что перепутать может день и вечер, –
а боль, а повелительница дней,
ушедших в гору почему-то лечит.
Ты созерцаешь птичьи облака.
И вот опять, опять издалека
выпрыгивает солнце, между прочим.

Орелия, да кто же из людей
придёт проведать горы да вулканы?
Орелия – мой маленький музей,
где с ужасом заводятся романы,
внезапно превращаясь то в обман,
то в призрачный вишнёвый сад,
то в дымку.
И попадаю я опять в капкан,
догнать пытаюсь даму-невидимку.
Но успеваю лишь сорвать вуаль,
услышав хруст костей неблагородных.
И слёзы льются и опять мистраль
подует с юга. И опять свободна
ты, а не я. Орелия с тобой,
а как же я? Как перст перед войною.
И куст мой оживает молодой,
Волшебный куст, пропитанный весною.

Взял залитый квасом бубен,
Я решил, скорей, по пьянке:
Пусть тебя целует Рубенс
Сквозь века, на полустанке.

Пусть тебя целует ветер,
В ноги бьётся ошалело.
В тыкве рыжей, не в карете
Ты своё лелеешь тело.

Рвёшься на свиданье с принцем –
Рыжий клоун – он намедни
У меня стрельнул он «Винстон»
На виду у всей деревни.

Ты бежала, хоть тихоней
Мне казалась поначалу.
А приснилась ночью – Сольвейг
С волосами как мочало.

Стало страшно. Ночь глухая, –
Пропади она, просетуй.
Продавщица тётя Хая,
Дай мне водки, хоть вот этой.

Я опять напьюсь и с улиц
Побегу в поля пустые.
Пусть тебя целует Рубенс
Прямо в губы холостые.

Не открывайте двери никому.
Гроза застала – не жалея бегущих.
Ты знаешь, я, наверное, умру
среди стихов безжалостных и жгущих.
И вот уже охотится злодей. Он в том углу,
за ширмой, иль за печкой.
Он террорист, убивший сто царей,
крадётся змием к твоему сердечку.
Ты почему его не прогнала? Смотри – нога!
Копыто или клещи?
И сон мне был, и сон, наверно, вещий...
И разве ты ещё не умерла?
Вон твой портрет – весь из кровавых трещин.
А я любил, любил одну тебя
и ненавидел всяких прочих женщин.
Ну, пожалей, ну, похвали меня,
пади к ногам, – надеюсь я на чудо.
А ты меня ни капли не любя, сказала:
«Брось, ведь у тебя простуда».
Но как ещё не лопнул шар земной?
Собаки злы?! Так бросьте же им кости.
Я ночь тоскую с женщиной одной
и вы ко мне не приходите в гости...

Осень

Сегодня велик он, а завтра, быть может, смешон.
Поэт нечестивый, монетку последнюю бросив,
на девочку, что надевала цветной капюшон
на голое тело. А было ведь холодно, — осень.
А он любовался: какая у девки спина!
А что за спина — две худые-худые лопатки...
Хозяйка роптала: "Опять к вам пришёл сатана,
а вы, не заметив, ему согреваете пятки".
Поэту казалось, что были здесь крылья любви.
Давно не взлетали, с тех пор как любовь свою сбросив,
они коротали свои беспокойные дни
на Пляс де Пигаль. Ничего нет здесь странного, — осень.
Поэт подошёл, и, зарывшись лицом в волосы,
вдохнул пять морей и четырнадцать выпитых кружек.
И если б он видел глаза её в робких слезах,
он сердце своё подарил бы ей, дикой, на ужин.

А когда ты пришла на рассвете, то ли боль, то ли хмель
хватая,
он подумал, что только ветер обнимал тебя, дорогая.
А когда ты пришла под вечер, он стелил тебе поцелуи,
и шептал, как посол на вече — я тебя всё равно ревную.
А когда ты пришла ребёнком на порог в вышитой сорочке,
в голове его звонко-звонко пролетели тире и точки.
А когда он пришёл усталый и сказал, что путь его пройден,

ты дала ему роль вассала и сказала — какой ты гордый!
А когда он пришёл, как быдло, ты хлестала его по роже.
Показалось — что это было между Алой и Белой Розой.
А когда вы скрестили шпаги, зарядили ядрами пушки,
со стены на листке бумаги хохотал, как ребёнок, Пушкин.

Посади мою печаль в ломанные санки,
отвези куда-нибудь, брось на пол-пути.
Закопай, прошу тебя, тёплые останки, —
вот тогда решусь и я звёздный путь пройти.
Без печали (как легко), с кем не целоваться,
всё равно уж, господа, — дело ведь к весне.
Обниматься, токовать, в травах кувыряться
и с повинною, как псу, приходиться к жене.
Ах, жена моя, жена, — боль моя и слава.
Ты послушай, что пою, Бог тебя хранит:
На меня уже давно началась облава.
Партбилет моей любви пулею пробит.

Любимая, мы же ведь скальды с тобой.
Горячие руки, ребячьи забавы. Ты рядом,
ты в поезде долгом, где слава.
Любимая, мы же ведь скальды с тобой.

В нелюбственном, диком, наверно, краю
учителка учит «добру» и «глаголу».
Четырнадцать девушек с веероголым
восторгом хрустально рифмуют «Люблю».
Ты словно мираж.
На заплёванный пол
ступает нога твоя бережно, скользко.
В задымленной комнате,
словно бы в Ольстер, пришла ты с мороза
за письменный стол.
Прошу напиши, — близок воздух лесной.
Жду строчку, как будто старушка просвирку,
на фоне окна... шторы отданы в стирку...
Храни тебя, Боже, в погоде любой.
А надо бежать: малый сон мой с грозой.
Летающие ласточки — тонкие струны.
Что, — иноходь невероятней аллюра?
Любимая, мы же ведь скальды с тобой.

Мне кажется, что Джильда умерла.
Рука свисает ледяным узором,
и я кажусь необычайным вором,
я в чайную залез и чай краду.
Мне кажется, что Джильда умерла,
суровый ментор зрит в меня с укором,
но я держусь, я занят разговором,
я сквозь любовь вдыхаю полумглу.

Мне кажется, что близится рассвет.
Что я опять усну не раздеваясь.
Перед охотой кот мой умываясь,
как гений зла, берёт меня в игру.
Игра на всё, что есть в моей душе.
Мифическая и полуживая –
игра на проигрыш – стоны ртом хватаю.
Такие стоны – плётка палача.

Мне кажется любимая спала,
а я ей потихоньку сон нарушил.
Он стал и безобразнее и суше,
он стал как погреб пьяный от вина.
Мне кажется что Джильда умерла,
а ты осталась жить, как та овечка,
что на закланье отдала сердечко, –
стучало болью, боль взяла стена.

Мне кажется что ветер овдовев,
кружась, беснуясь, в игрищах зарезан,
как Гойя, что в «Каприччио» истерзан.
Я жив пока,
а Джильда мне не мать.
Ей даже эти строфы не понять.
В них я – амур, в них честен я и нежен.
В них я способен вас в себя влюблять.

Пусть говорят, что я лукавый маг.
Все маги от рождения лукавы.
Но на губах моей любимой мак,
и, значит, эти губы не кровавы.

Они черны. Нет, — синие, как ночь!
Холодные, как утро перед казнью.
Влажны, грешны, — они хотят помочь,
ловя мой шарф, прошитый белой вязью.

Мой весёлый жгучий деспот,
на губах твоих помада
из бананов и орехов,
из ванильных шоколадок.
Чудеса твои явились
мне из Эдемского сада.
У тебя ремень на брючках
из удавов и удавок.
У тебя такие пальцы, —
там весь мир изобличённый,
там такая бездна счастья,
там такая чаша горя!
Там такие злые лица
на груди твоей горячей,
там ефрейтор обалделый,

как секс-бомба, горько плачет.
У тебя глаза такие,
что закрыть их поцелуем
чтоб другие не любили,
и, как сон, не обманули.
Чтоб туда навеки прыгнуть
с парашютом безобманным.
Чтобы он, подлец, раскрылся
перед апельсиновой дамбой.
Чтобы счастье горлом пело
колыбельную такую,
где тебя я понимаю,
и, как водится, ревную.

Из ванильных шоколадок,
из бананов и орехов
на губах твоих помада
так и корчится от смеха.

Вот девочка Варя и девочка Нина
на даче решили пожить с мезонином,
состряпать пирог в деревенской печи.
Нашли от заброшенной дачи ключи,
добыли сметаны, творог, два яйца,
снежок поубрали с родного крыльца.
Хотели в печи затеплить огонёк,
но нету полена... вот ёк-макарёк!
Пришлось понабрать им то сучья то ветки,

немножко лучины прибрать у соседки.
Украли полено у графа Толстого
...не будет уже буратина такого,
а только Пиноккио будут читать
и будет на всё и на всех наплевать.

Голубизна фонтанов ежевичных
не охлаждает похоти людской.
Мир предстаёт безличным и двуличным,
а сам как перст – и белый и нагой.
И восемь раз звенящие капли,
что спать мешали в осень торопясь,
как раны не зажитые, скрипели,
самой Судьбою втоптаные в грязь.
И часом неосознанным и личным,
впиваясь в мрак лелея чью-то боль,
не охлаждает похоти людской
голубизна фонтанов ежевичных.

Я целовать тебя не буду,
я просто плюну взту рожу.
Ты молча вымоешь посуду,
цветную кофту застегнув.

А тот, который тебя лапал
тебя на кухне полупьяной,
пускай себе летит на Север,
себя в созвездья окунув.

Я не прощу тебе измены,
не стану я великодушен.
Я буду жалок и потерян,
бессильно комкая рукав.

А тот другой, с улыбкой стильной –
чуть-чуть потешной, чуть умильной
пускай себе летит к оленям,
не важно прав он иль не прав.

Я стану жить... сморкаться в угол
и бить дарёную посуду.
Ты молча выметешь осколки,
предотвращая новый взрыв.

Меня сырой рукой погладишь.
не разжимая губ мне скажешь
как горячо меня ты любишь,
бессильно комкая рукав.

Мой невесте ноги,
ведь она устала, —
до зари на горке
зелье собирала.
И в пути несладком
ей светил Возничий,
и пугал нечистый
и менял обличье.
Под рубахой зелье
для мужицкой силы.
Женихов жалеют,
а она любила...

Смотрю как безумные рвутся олени
в твоих яснокрылых зрачках.
От скопища страсти до вязкости лени
всего лишь обыденный страх.
Он в горло толкает какую-то смуту,
и смуты той нету милей.
Пусть парусник кроткий
корёжится круто
над бедной дорогой моей.
Всё стены да стены, да белые замки,
в заплатках сухих облака...
От чёрной лачуги к лебяжьей осанке

всего лишь четыре шага.
И всё же четыре ступеньки — как много!
Спаси, сохрани и отринь.
Пусть целая вечность до господа бога.
Скажи ему просто «аминь»

Беда

Я поздно понял, что пришла беда.
Ну и пускай, я дверь не закрываю.
Я пью чай и ты со мной тогда
попей, ведь ты замёрзла, я-то знаю.

Ты многолика. Вот не знаю сам —
какая будешь? Старая поди-ка.
Я посетил сегодня дальний храм,
а руки все пропахли земляникой.

Пришла одна. Зажгла на кухне свет,
смеясь, засуетилась у порога.
Сказала: «Что-то плохо ты одет,
наверное, давно не веришь в Бога».

Я верую. Вот видишь: образа.
А ты-то что, трухлявая старуха.
А ну, смотри, смотри ко мне в глаза,
ты, существо без времени и слуха!

Ты... ты... А может, ты права.
Беда тихонько номер набирает
и телефон мне молча подаёт.
Я узнаю, что друг мой умирает.

Я не спал в эту ночь.
Да и надо ли, в сущности, спать...
Может, в небо звездой,
иль метнуться бы камнем да в реку?
Всё равно музыкант
будет клавиши милой ласкать.
Пусть ласкает до слёз,
ведь приятно ему, — человеку.

Я не спал, ну и что?
Не увидел кошмарного сна.
Раз десятый во мне этот сон
пресловутый кочует.
А за окнами лес,
а за окнами бродит весна.
А за окнами нищий
берёзкам ладошки врачует.

Может, просто ворваться
в тот, клевером пахнувший, зал.
И спросить у судьбы —
где она остановка такая...

А потом тишина.
А потом — как сквозь зубы, вокзал.
И — опять тишина.
Это я без тебя умираю

Фриволен бег твоих изящных рук
по клавишам разбитого рояля.
И звуки здесь — то плачь монет, то стук
единственной, которую не ждали.
Она ворвётся, требуя вина,
в прихожей зло срывая жаркий свитер,
как маленькая гордая страна,
где каждый третий выглядит убитым.

И я её одну остановлю,
слегка рукой её волос касаясь,
нежданно вдруг я ей скажу «люблю»,
скажу и где-то в темноте покаюсь.

Время дуэлей

Если захочешь, то будет февраль непременно.
Выберем место среди непрочитанных книг.
Кончимся мы и опять застрекочет по нервам
скрипачкой суетной строгий сутулый старик.

Кончимся мы, потеряем нечаянно разум, —
будем искать среди вьюги, среди чистоты.
Юный художник уйдёт умирать от проказы,
вечной печальнице в дар оставляя холсты.
Кончимся мы. Февралю умирать не охота.
Время дуэлей я должен пропеть до конца.
Девочка-ложь, ты моя роковая забота.
Слушай, красotka со шрамом косым в пол-лица.
Ах, как любил я чужие да злые забавы,
как ненавидел с вином и с закуской столы,
как я хотел переменчивой суетной славы,
как я боялся суда оголтелой молвы...
Только нетронутый горестно-чувственный вечер,
женщина в алом (а, может быть, в чёрном — как знать?)
Волосы гимном кружились и бились о плечи,
белой опушкой встревоженно стыла кровать.
Как ей сегодня, наверно, со мной одиноко!
Праздник рожденья, — пируйте, друзья, а потом
поздние слёзы придут к ней высоко-высоко,
странная жалость свернётся под креслом клубком.
Кончимся мы. Собирайте в баулы потери.
Злость одолела. Давайте в перчатку свинца.
Что ты стоишь, не закрыв, удивлённая, двери?
Время дуэлей. Я должен допеть до конца.

За какой такой грех мне сегодня не выпала ты?
За какие рулады я бит чьей-то твёрдой рукою?
Заиграет свирель, заскрипят разводные мосты
в моём бархатном сне, над белёсой прохладной Невою.

За какие слова грязью облит мой белый камзол?
За какие потери я жизнь свою даром калечу?
Вот курьерский подъехал и сразу куда-то ушёл
на какую-то вдруг, неизвестно, но важную встречу.

Только вот не взыщи, может, снова тебя не найду.
Видно, где-то спрятали, след распустили по новой.
Ты услышишь мою в пожелтевших ладонях дуду.
Ты увидишь меня в цепенеющей хвое еловой.

Ты почувствуешь, да... как приподнят мой профиль раба.
Он с прищуром лихим, как у Ленина в Шушенском летом.
Я ору, я кричу... Ты — моя роковая судьба,
слишком поздним дитём под гармошку морскую пропета.

Некрасивая женщина в гостях у полковника
Некрасивая женщина в гостях у полковника.
Он руку ей жмёт,
целует её в щёчку, или в усы,
а сам подтягивает часы.

Они на руке ему велики.
Некрасивая женщина думает:
настоящий полковник,
немножко мужлан,
немножко скромник,
эполеты его горят,
а глаза блекнут,
Видимо, воевал в Германьи,
там где пекло.
Полковник думает:
фифочка,
серая мышь,
замарашка,
ничего, сойдёт на безрыбье,
да под рюмашку.
Соседи косятся,
дворник-татарин
лепит бабу.
«идут белые снега» —
поэт марает бумагу.
И вот запела женщина ариозо.
Денщик полковника,
протрезвевший, встал в позу,
смахнул слезу,
виновато прочистил дуло
у револьвера.
Пусть бы его на время замкнуло.
Не убийца ведь он,
не злодей ведь, право.
Может, будет скоро дуэль,
а может расправа.
Если б полковник стрелялся с поэтом,
тот выстрелил бы в воздух,

или в газету.
А журналюга речист,
зол, конфиденциален,
никаких извинений.
Не понимает.
Пьёт пиво очаковское и бормотуху.
Вот такие жлобы,
наверное, и замочили старуху
достоевскую, –
странную,
вредную,
злую бабу.
А ведь когда-то
девушкой была иванотургеневской, –
красивой, нежной.
Жизнь казалась
манящей, цветной, безбрежной.
А теперь вот
дуэли,
бабушки,
наши надежды,
и муки.
... всё смешалось в доме Облонских...
дети,
внуки...
Все устали смеяться,
плакать,
давать взаймы,
взятки,
богу молиться,
медитировать
... скоро святки...
Мы, обречённые,

уходим в поле
нечистых мыслей.
Дом с мезонином
«Люблю тебя, милая,
Добрая чистая,
только свистни!»

И вот когда я вызнал плоть твою
когда в кровавой оргии испуга
ты закричала» я тебя люблю»
и вот тогда мы поняли друг друга
закушена губа и ты ладью
свою ладью мне выставляешь смело
я ниточки твоей любви ловлю
раскладывая бисер неумело
хрипишь поёшь до финиша кошмар
как марафонский бег сырых от страсти чресел
грудей твоих благодарю бульвар
в которых я был как младенец весел.

Ах, мама, мама,
кукла умерла!
Ей было в этом мире очень плохо.
Ей жить-пожить в другую бы эпоху.
Пирог пасхальный,
топкая свеча.
Блудливый бред придворного врача,
а дочка пожилого палача еще живет,
еще не умирает,
еще в песочек, подлая, играет.
Ей бы стрихнину –
вот она и вся. Ах, мама, мама,
кукла умерла.
Я так ее любила в платье вечном,
нектаром умывала,
человечьим
ее я обучала голосам!
– Ах, девочка! Не дай своим слезам
твой разум помутить,
и сердце в камень
не превратить.
Мы куколку оставим,
а сами будем потихоньку жить,
прислушиваться,
чувствовать,
любить.
Ты слышишь?!

Семимильными шагами к нам жизнь идет,
и с нею нам дружить
и утешенья ждать
под небесами.

Жизнь – сказка

*Я спасу тебя от бенгальских тигров.
От ночной сирены. Белград бомбили.
Отыщу тебя в сумасшедших играх.
Знаю, жизнь – сказка с кусочком были.*

1

Жизнь – сказка. Стоит с указкой
Учительница после короткой ночи.
Учительницу эту лапал простой рабочий.
И она поняла, что жизнь это связка
Двух душ пустых, двух кроватных гениев.
И, облившись гелем, она на работу шла и плакала
От того, что забыла все тексты у Пушкина.
А где-то за озером жена рабочего
Рыдала в подушки, потому что жизнь кончена.
«Жизнь – сказка» – подумал рабочий,
Вытачивая деталь нужную очень.
Эта деталь ему на фиг не нужна, между прочим,
Но зато платят деньги ему большие и длинные.
И жена его лапушка получит их,
И пойдёт на улицы магазинные.
А он, исхитрившись, возьмёт заначку
И со скромной учительницей поедет на дачку.

Ничего, что училка — баба скромная,
Он споёт ей песню Вставай страна огромная.
И будет любить он всю её бедную,
Как любил коммунизм поэт Демьян Бедный.
Как любил маму свою Есенин,
Веря — жизнь-сказка и есть где-то берег кисельный.
Жизнь — это сказка. «Петля оборвётся, ведь я же гений» —
Подумал поэт, повиснув в своём Англере.
Жизнь — сказка, закройте, пожалуйста, двери.

2

Жизнь — сказка — подумал бомж, найдя чемодан
с деньгами.
И решил, что поставит памятник на могиле мамы.
Пожалел олигарха, потерявшего сумму.
Положил денежки в грязную сумку.
Ночью было холодно, — надо было греться.
Он взял часть денежек у самого сердца.
Костерок заладил.
Денежки потрескивали, как мамкины олады.
Вспомнилась семья, дом, мать и двое братьев.
Все уже на небе, матушка-красотка в белом платье.
Не тройной одеколон ведь пьёт, а что пожиже.
И запел счастливый бомж «Осенний сон» октавой ниже.
Прогорела часть купюр. Пусть, не жалко.
Лишь подъехал козелок, дело к ночи.
Взяли четверо его да в дышалку!
И наручники ему, между прочим.
Обомлели у бомжа сильно руки.
Эх, сломали сказку-жизнь злые с***ки!

И у меня было море которого ты не знаешь
и у меня было море старуха и рыбка в ванной
и у меня конечно был повешенный над фортепиано
собственный мой повешенный совесть моя и рана
И спать хотелось и было море
и звало море меня к простуде
и был вечер и было утро в раззоре
и была женщина а у женщины груди
Банальная притча все притчи банальны
море и женщина мольберт и художник
власами медными мечет Волошин
всё так стремительно так глобально
народец пёстрый коляска гроши
бросают под ноги неимущим
бегут и праведники и твари
идёт хворобою мой Ведущий
с большими как у страха глазами.
И у меня было море в детстве
я не целованный — я советский
а ты сказала: Я — Чайка!
я после бани женщиной стала
— Советской женщиной с пьедестала?
— нет, абсолютно маленькой.
Ногти рвала мне смерть-распутница
— ты рыдала?
— рыдала ль я? Лепестки вязала
волны серебряной покрывало:
нагие белые не устала.
Плоть с плотью крохотно кровь бежала.
Бежала по вымечку с вымечка по копытечку

бьёт падлюю Смерть роковым копытом
ты ведь не справилась — ты убита?
В Грозном в Майданеке целлюлитом
нечистой харей и бранью справа
а слева — повешенных декабристов свалка
С души свернуло
стань медсестрою я дверь прикрою
не надо оваций восторгов море
холодное более-менее
там бедный лавочник бедный гений
и ослик — маленький пустомеля...

Титаник

Прости, безумный мой «Титаник»
за то, что так из темноты
уходит Боль, уходишь ты
уходит высшее признание
как день осенний из трубы.
Вбираем вытертую лиру
как ту любовь что пролилась
на блюде памяти кумира
упавшего с балкона в грязь
Ты помнишь милая тот вечер
фонарь аптека анаша
трансатлантические плечи
рыдали, буквами круша.
Вот Аз, светлейшая из буквиц.
Но что-то я не намолюсь.
Слезами пахнущая рукопись

кричит: «Аринушка, боюсь!»
Боюсь, боюсь, но сорван вечер
опять пришли совсем не те
опять немислимые плечи
в своей блистали наготе.

На них коряво буква Буки
впечатала слова бранья,
а я подумал -Ваши руки
и вы другая, не моя.
Испанствуем и подыхаем,
и куртуазностью манер
себя невольно поджигаем,
освобождаясь от химер.
Вот шли когда-то по малину,
тебя в малиннике любил я.
Девичьи перси заголя
переворачивал на спину
сок спелой ягоды малины
лизал, как будто бы шутя.
...и неуклюжим утконосом
ловил резиночку трусов,
а неумытый пленник снов
и непослушный мальчик босый,
который жив одним вопросом —
что за экватором трусов,
стоял за деревом неслышный
рот в хрунках, сам одет как нищий
в рябинках тонкое лицо.
Стою, помятый Свидригайлов
боюсь, что баба скажет: «Мало!»
как птица. что на землю пала:
«Ах, я еще не налетала!»

а кукла: «Бала мне бы, бала!»
Лицо в крови, в руке кольцо
и одиноко озерцо
манило рыбой и тенями
моих безжалостных глупцов
читающих мой мир ужасный
ужасен Я, ужасен в снастях
фосфоресцирующий стыд
и мозг мой суетный летит
в зашторенное Занебесье
шарфом прозрачным молча взвейся
там Память как в окопе спирт
боится выпитой быть в страхе
я снова бледностью на плахе
спешу постичь сей скорбный мир.
Простите. барышня, за это,
за то, что букою под нож
пойду по каверзному лету,
под шум безжалостных берез,
а может быть осин древесных
среди кудрявой суеты
бегу здоровый, неизвестный
вдыхаю мерзкие цветы
чужих безжалостных сонетов,
а разве больше службы нету,
в которой бьемся за кресты.
Вползает шукой буква Веди
икают трезвые соседи
вчера глотавшие кефир
«Эмманюэль» прочтя до дыр.
Послать подальше всех хозяек,
которые скопили жир,
и жирной прелестью невесты

нам светят в дверцу поднебесья
там снова ты она и я.
Люблю любимая. Ладыя
лакействует у брега страсти
и обнажает торс борца
та олимпийка без лица,
лицо давно сожрали моли.
Ах мне бы пенсию да волю,
брегет отечественный, поле,
где конь буланый, шаг – трусца.

Прости, любезный мой «Титаник»,
что спать ложусь я после бани
с прелестной фрейлиной,
а та, вся изогнувшись глаголю,
глаголет Истину и с болью
мне отдается. Тишина.
А я несу добро калеки,
от холодных ветров ноют веки
нижайше кланяюсь земли
простите добрые соседи –
волки позорные намедни
 меня на санках привезли.
Читай: кричали перегаром
а я, а что мне,
 ватник рваный
на теле профиль Сатаны.
Вот полукровка, добрый Витязь
врываясь бьет меня, подвиньтесь
тела упавшие как я.
На кухню бросили дрова
опять идет свирепо топка
у фрейлины вспотела попка

и трепет тайный телом в пол
и оттопыренный камзол
вдруг стал повесе слишком тесен,
не надо злых иль добрых песен
а просто позовите Женщин
из них одна споет шая
совсем ручную нотку ля.
Любимая до сентября.
Сентябрь. Уже не держат ноги
иду. бреду к своей берлоге
где ночь вдыхает запах пня
сгоревшего на той неделе
на этом пне мы с другом ели
картошку. Друг сварил Тебя...

Придите, буки, аз и веди.
придите Пушкин с Грибоедом,
придите долгие друзья.
придите, новые калеки
от хладных ветров ноют веки
нижайше кланяюсь, земля!
Приди, добро не понарошке,
любимой сломанная брошка
сверкай как падшенькой слеза.
И я проснусь костром нетленным,
не бей смычком по голым нервам
нельзя. хорошая, нельзя.
Ты видишь сонная заря
еще мне голову не кружит
вот море, остров, башня, стужа,
а в башне смерть, не знаю, чья!
...хрустели кости под зубами,
тошнило, прожевался шрамик,

что был на шее у тебя
Теперь воды испить болотной,
но что-то мне не лезет в глотку,
мелькнули блеском самородков
твои опухшие глаза.
За что, сказали мне, вздыхая,
была с фатой, потом нагая,
потом горела, но жила.
Но вы не убежали, суки!
Смотрели, буду ли цела!
— Не поливай живой водичкой
Оставь ее себе на личико

— Молчите подлые глаза! —
кричал я и они кричали
как будто раненый начальник
из-под разбитого ствола
И я опять: ну где ты, ведьма?»:»
Глаза в рыдающую землю
упали аленьким цветком
я понял цену дорогую
я заплатить сюда пришел
Я крикнул в небо: Ты богачка!
Ты дерн и пыль, и берег мрачный
Вся в белом блещущая мать
туман здесь, брачная кровать
Смотри, земельку поцелую!
Но я люблю тебя, ревную
Упала, маленькая, встань.
Упала, больно. Не пугайся.
Колено? Господи, хватайся.
Люблю, родная, перестань!
Я не злодей, да, вижу, вижу!

Не плачь, пошли домой скорей.
Боишься? В озере пигмей?
Нет, это наши покаянья.
Ну успокойся, брось рыдания.
Прости, ведь я ручной теперь.
Прости, безумный мой «Титаник»
Я человек ведь, я не зверь.

Пятый

Стоп токин. Молчание.
Китайская мудрость.
летающий голубь. Светает
Жаль, что один из нас помер,
второго все ищут,
третий зачат, но не вышел,
четвертый еще не готов.
Ева и Павел
не встретились на поединке
самых красивых.
Ведь их еще нее обложили
Любители острых мгновений.
Я пятый. последний, а дальше
все лица...
одно мерзопакостней прочих – мое!
Это видимо, связано с тем,
что давно не летаю,
что только и смог написать:
«Где ты бегаешь, пани
в итальянских колготках

по нашему серому снегу.»
Однако за молчание надо платить.
А за что мы сегодня молчим?
Может, жжем поминальный фитиль
И тусуемся так некрасиво плечами.
ты приди, умоляю
я дам тебе денег, фату,
пробежишься в ней Ленинским
парком
Тебе дам я денег
Купи себе девичью честь
и хромую лису,
чтоб лежала на голых коленях.
Дам я тебе денег,
чтоб истину ты не искала,
чтоб твое меховое шмотье
не хватало бы мерзкие панки,
чтобы ты не читала стихов
одуревшего комедианта,
чтобы ты не кидала трусов
Раъяренной гитаре джаз-банды
Чтобы ты не кричала впотьмах
чтоб любовь не купить и не выдать,
чтобы в наших с тобой головах
не звучала, как прежде, обида.
Это видимо. связано с тем,
что давно не летаю,
что только и мог написать:
«Где ты бегаешь, пани,
в итальянских колготках
по нашему серому снегу».
Ты знаешь, я все-таки видел второго
Он рылся в оранжевой кукле

Он думал, что там будут деньги,
беспомощно рыжими пальцами
вскрывал целлюлозу груди,
единственным зубом вскрывал
позвоночник.

Я вызвал «ноль три» пускай посидит в одиночке.

Ильинична дверь открывает
взволнованно ходит по комнате
в алых тонах, в адидасовской
обуви
ноги старушки потеют.

Она уже больше не пишет
доносы на скептиков и
диссидентов.

Все бросились в прорубь забвенья
Ну что, дорогая, не спится?
Сходила бы в церковь,
тебя научу я креститься
И свечку за всех убиенных поставлю,
а может, кого-то прославлю

Вот первый, давно похороненный
в Ржавом болоте

где плавает череп младенца
учительки Клавы

Два трупика черных: один неприкаян
другой перед ним покаянный

А третий родился и плачет,
как плакал Буденный
пред знаменем алым,
когда догорала пехота.

...чуточек срыгнул милый мальчик
и вновь набежала икота

Спит нянька. Его ей качать неохота
Спишь, стерва?
Вдруг это единственный гений
Ведь их, ясноликих, убили
На Пражской весне, на Болоте
на распрями битой Таганке.
Спи, девка. Ну как хоть тебя величают.
Спать хочется. Снова хозяйка борзела
пила свое зелье, смотрела Годара по Теле..
На теле кровавая рана
от пьяного мужа-жокея.
Спи, детка.
Но только ребенка ладошкой
не схрумкай
и так уже синий животик
и бьется, пульсирует жилка.
Но все все же опять не взлетаю
никак не рванусь, нос расквасив
и только что смог написать
«Где ты бегаешь пани,
в итальянских колготках,
по нашему серому снегу.»
Еще не влюбились ручные мои Ева с Павлом
еще не прочли «Дон-Кихота»
и Гарсия Лорка не познан
и ветки черемух оставлены ими беззлобно,
и губы еще суховаты,
и плечи у Евы не смяты
и брошка на правой груди
уцелела как память солдата
Солдатик мой Павел,
солдатствуем вместе по нервам
Пусть я никогда тебе в этом не буду примером

Люби свою землю
забуди что отец твой был пятым
Стоп токин. Молчание
Китайская мудрость
Конвертик чуть-чуть в уголочке
примятый
(Июнь 1997)

Озеро Рица

Мало ли что ей безумненькой хочется
Озеро Рица лежит под ногами
Озеро Рица из логова творчества
Озеро там где мы все дураками
Озеро Рица в убитом солдате
Озеро Рица в глазах обезумевших
девочки что в телефон-автомате
в нищем грозящем перстом указующим
с красной звездой на порвatom бушлате
Плакала скрипка за злым горизонтом
у нашей русалки сегодня застолье.
Нитью одной опоясана рыбка
брошена рыбка — связной без пароля.
Где ты скитаешься неуловима
брось-ка бутылку в Синее море!
В бутылке записка: «Я нелюбима!»
Значит, осталась и ты без героя.
Значит, любить тебя можно. Ты зрима
Можно. В паучьем колье пантомима.
Можно. Свободна от всяких капризов

Больше не буду глазами юродствуя
жить увлекаясь дурным онанизмом
мальчика Пети, который сиротствовал.
Все. Отдыхай. Хочешь чашечку кофе
Выпей родная. пойду по стриптизу
вирши послушай болезненны строфы
очень похожи они на сюрпризы
пылких свиданий
Выплесни с гущей кофейной ребенка
наших неласковых воспоминаний,
в юбке коротенькой просит девчонка
ей подарить необъятное море
В первоапрельском тряпье королями
выйдем на лодочке зрим Лукоморье
или сомкнемся слегка головами
Моря не жди, прохудилась лодчонка.
Озеро Рица светлеет пред нами,
Озеро Рица как две страшные раны
В них, этих ранах бессмертье содержится
хочешь, на самом на краешке нежности
будем держаться как два океана
Выпили воду и в чьей-то промежности
все же среди этой суши несметной
забултыхается озеро Свежести
озеро Слез от любви безответной.
Плакала скрипка над злым одиночеством
лампа горит и совсем без покрытия
Камера пыток, пытай меня творчеством
но не лишай обнаженного зрителя,
той радиации незабвенной,
что называется состраданием
так начиналась эпоха дознанья
среди мудрецов, замороженных

сценой.

В камеру к нищим подбросили

Кафку

Кафка лукавит, а кто не замечен

тот, кто тебя не топтал каблуками

юный разведчик герой изувеченный

музой твоей и моей неотмеченный

Озеро Рица — сплошное безвременье

лагерь любовь звон зеркал

близких лица

трижды прощенный обман

сизым вечером

Спи на лодчонке в озере Рица

среди окаянно таких же потерянных

Но не теряйся совсем возвертайся

тайной таежницей девочкой Таей

вместе со звездами в небе

смеркайся

если навечно исчезнешь я знаю

Вместе со Снежной бабой оттаивай

видишь под полночь и я обмираю

чуждый мне отрок грешочки

замаливай

Тощую бездну нащупай ладошкой

вскрики вселенские мамы вбиваю

«Ах эти мерзкие серые кошки,

ах, эти звуки. ну кто их рождает!»

Это не звуки, мы так умираем

чтобы остаться навеки

в агонию кинуться и распрямиться

обратно

как после выстрела с ровного поля

ринутся

ввысь тридцать две куропатки!
Двух или трех на снегу оставляя
вечно не быть им на белых кроватках
быть им болезненным на блюдечках рая
Как вас назвать Непогода по имени
буквы пишу а рука задрожала
скулы горят и зовут «полюби меня»
сердце стучит в трех шагах от кинжала.

Бейте красных, белых и жидов
оставляйте серые папахи
Вилы в бок воруящим морковь
и забудьте о вечернем страхе
Помните, как раз перед войной...
Помню, помню: черная накидка
лестрая цыганская кибитка
и стрелок, склонившись надо мной
говорил кому-то: черт с тобой!
Ну а я как бедолага-дятел
раненый крестьянскою косою
Но ведь я еще не умираю
Говорю: коль силы есть, давайте
в горло бейте, ноги мне ломайте!
Только с хрипом тоненько
внимаю
вы иголки в ногти не втыкайте
А когда-то я едал ватрушки
в доме у Веселой Потаскушки

было и счастливо и светло
А теперь мне прямо запахло
пусть хватают и плюют в лицо.
Бейте нищих – вдруг разбогатеют,
поджигайте чье-нибудь добро.
Не от крови зорюшка алеет,
это я подвешен за ребро,
я наелся этой рваной жути
и не знаю, цело ли окно
в доме у веселой потскушки
Грозный суд на крыльях кто-то рушил
срам и стыд и тление одно
разобщает в язвах грязных души.
Егерь бил кирзою по виску.
Бейте в пах, чтоб я на стенку падал,
слава твердолобому стрелку!
Бейте в ребра, кожу поджигайте
Звездами рассыпана дорога.
Каюсь. Ну а вы не замечайте
Каюсь. Но замрите у порога.
Умоляю люди. Ради Бога
вы иголки в ногти не втыкайте.

Песня

Пусть неясный холодок
под рубахой тает,
слезы прошлые свои
рукавом сотру.
Не будите, я прошу,

вы калеку-память,
ведь я прошлое свое
на себе несу.
Где сафьянный сапожок
В дом моей любимой?
Улетел и скрылся в ночь —
там его лови.
Ты сказал мне: «Прощай.
Я тебя любила,
но за каменной стеной
дохнут соловьи.»
Заберу свои дары,
чтоб тебя прославить.
Соберу котомку я:
соль за пироги.
Разбужу в заплатках всю
я калеку — память,
ведь никто не подойдет
не подаст руки.
(конец 80-х годов)

Хозяйка пивной

Ах, январь, это скучное слово
январь возле ног
где-то тройка промчалась
ямщик прокричал мне: «сынок!»
где-то ветер подул
показалось, что входит весна
я фонарик зажег

и увидел, что просто стена
А потом распахнулась
какая-то странная дверь
жарко бился огонь из печи словно
 раненый зверь
и встречала хозяйка пивной
 на пороге меня
называя свой образ помином
вчерашнего дня
как зовут по второму вас разу
 хозяйка пивной?
дай сенца вороному
ему еще долго домой

А солдаты и девки
уж как-нибудь тут подождут
расскажи о себе хоть
 последние десять минут
на лице на твоём-
говорила она не стыдись
— вся любовь и вся смерть
и вся боль как узлом собралась

О себе не скажу
не проси никогда милый мой
запрягай лошадей
и пора тебе ехать домой
по дороге трясуцей
ты добрые вирши слагай
там тебе и забава и смех
и мороз и сверкающий край

На краю не погибель
а просто оборванный крик
был сегодня ты юн
а наутро ты будешь старик.
Что пророчишь ты мне
я еще напишу, я спою
рвется в клочья душа
от осколка аортой в бою

Посули мне удачи
но вновь среди зимнего дня
подошла ко мне женщина
медным монисто звеня
что ты хочешь сказать мне
хозяйка проклятой пивной?
Запрягай лошадей
и пора тебе ехать домой.

Не кусайся волчонок негибкий
Не рычи на добычу мою
Вот аквариум «Спящие рыбки»
Вот рыбак, прикорнувший к рулю.

Вот весенний пугающий лучик
На моей заблестел бороде
А на шее серебряный ключик,
Зайчик солнечный в грязной воде.

Бежит безумный рикша

бежит

бежит

бежит

и колесо у рикши

переднее дрожит,

а заднее бесспорно

не требует забот

красивый, будто орден

восход

восход

восход.

Бежит летящей тенью

красивейшая дочь,

а мне в глаза — виденье

лебяжья стая — прочь

из шелеста и дыма

летающая стрела

ведь ты была любима

была

была

была.

Наташа. Ходынка

Наташа. Ходынка. Трава золотая.
Я в ней обнимаю
безликое тело туманных заповок.
Горжусь отчего-то?
Что видимо, ты — пионерка?
Зеленые боги
пугают величием кузнечики разума.
Неутоленно
мелькает вода автострады.
Чудесная дача
героев своих подбирает.
Где Гоголь, где Пушкин?
Вино ослепительно льется в бокалы.
Ты — рядом вставай!
К бездорожью привыкшие ноги
уходят в грядущее,
бьют по весне барабаны,
на ниточках счастья
подпрыгнут герои Эллады...
а ты в апельсинье... прекрасна...
Там нету чужих,
там никто не обидит
беззвучно упреком.
Чудесная женщина
губы не скривит в усмешке.
Таращится разум
и боль неразлучья уходит,
а ты остаешься.
Всем тем, кто уйдет, по конфете,
пусть будут отравлены

нашим с тобой невниманьем.
Наташа. Ходынка.
Какая великая тайна.
Опять бесконечно танцуют
герои Эллады,
на лире любви
оглушительно вырвется Катулл.
Берусь за лопату,
чтоб вырастить нам обелиски,
запомнить хотите? —
про нас непоющие диски.
Танцуют Онегин с Татьяной.
Придирчив елейный Елецкий.
Спит Герман в гостиной,
слегка оглушенный графиней,
смех в детской
про сны, что вокруг побывали.
Боимся. Непознанный терем,
в нем гроздья пылающих яблок.
Качается люстра
как память, слезу вышибая,
горит не моя электричка,
другая печаль, попяня
на себя, уезжает,
а ты остаешься
как черное бранное поле.
Наташа. Ходынка.
Над куполом девушка воет.
Она приподнялась
как две ненаглядных слезинки.
Наташа. Ходынка.
Как много чудес над Россией.
Бери свою веру,

неси, под халатик не пряча.
Как солнечный выстрел
услышу твой бред: виновата!
Читаю: Электра
омоет мне ноги в неволе
Другая мне руки
уже не приносит на царство.
Легки наших мыслей припасы.
Поцарствуем.
Лиру мою
заложил восхитительный Катулл.
Старушку Раскольников
обнял за дряблые плечи.
И просит монетку юродивый —
это последняя плата
за наши страдания,
за наши мирские бушлаты...

Наденьте черные платки
когда болеют дети,
когда поэт запьет с тоски
внезапно на рассвете,
когда зима придет в дома
в которых было лето,
когда вдова сойдет с ума
от позднего привета.

Наденьте черные платки
не морщась, без истерик.
Смотри — от жалости зрачки
внезапно побелеи!
Когда уснувших не поднять,
а вставших не уложить,

когда молоденькую мать
дитя ее тревожит.

Наденьте черные платки,
когда бродяги плачут,
когда погибнут мотыльки
в костре шальной удачи.
Когда, закуривая, дед
махоркой захлебнется.
Снимите черные платки,
когда весь мир взорвется!

* * *

Купи мне куклу Барби.
Пусть будет в люльке дочь.
Ослепшая от правды
коричневая ночь.
Издалека! Из дали!
Из века! Где он был.
Серегу не издали!
за то, что свет любил!
А был в чести у Бога,
ступил босой на лед.
Спасай же, недотрога,
а то совсем уйдет...
Уйдет, уйдет... Не взыщешь.
Ни стука, ни бранья.
Какой-то строгий нищий
пугать придет тебя.

Издадека! Из дали!!
Из облака, из тьмы...
Учителя сандалии
обожествляли мы.
А он не торопился,
бумагу рвал в клочки,
и юный гений бился
башкой о кирпичи.
Купите куклу Барби,
купите без стыда.
Ведь лучше грозных армий
девическое «да».
Целуйте, не целуйте —
не будет горячо.
Смеясь, себя ревнуйте
под левое плечо.
Там сердца ком атласный,
кого еще пленять?
Красива и ужасна
под раной благодать.
А может, понапрасну
старания и скорби,
А может, лучше «красным»
отдарим пироги.
Придут и срубят дочке
головку наотмашь,
и упадет листочек
на белую гуашь

* * *

Вот Шуберт, ля мажор,
агония любви
Две голубых струи
корежась, бьют в упор.
Угар, отпор, укор,
раздавленный упырь,
и ржавость якорей,
и детский вопль «плыви!»
Сиренев битый хор,
задумчив не таясь,
всю алчущую грязь
вбирает серый взор,
с отравленным лицом
на белый коридор.
Все кружится: все вальс —
вещун, ваятель, вор
Украли у меня
и сказку, и луну.
Луна для простаков,
но и она нужна.
Когда берешь любовь
за локоточек дня,
тогда презренья нет
и нет стальных оков.
Я сталь, я волкодав,
я просто волоок.
Великодушный взор
буянит, врет, бранит,
душевный разговор
прилипчив как магнит.

Любовный снег на плац
на жаркий полдень плит.
Отрада гордых век
обманно тяжко спит
во сне вздыхает так
как свора медсестер.
Могу ли не любя?!
Все тление, все вздор.
Сжигают трель бумаг,
то письма про тебя.

Запретная зона

Ты — ангел на пальцах январской грозы
в гулянке снежинкой прохладная вьюга.
В сиреновом небе отыщут друг друга
два карлика звездных, взрывая миры.
На эти миры я склонюсь, присмирив,
как хочется сжаться главою унылой
под крылышко чье-нибудь, чтобы любило.
Черемухой стать, на снегу заробев.
Крепится душа, неподвластная всем.
Искусственна боль, как искусственен разум.
Пацанка бегущая с противоголозом.
Вся соткана из современных проблем.
В ней схемы. И мозг зашифрован на пять.
Кто крикнул, что цифра случайна, тот бросит
И девичью сладкоголосую осень
на Млечном пути пожелают распать.
Вот Зона запретная. След полосы,

прожектор истерзанный слепит нам в души.
Но он ничего уже нам не разрушит.
Ты – ангел на пальцах январской грозы.

* * *

Жизнь, дай прожить хотя бы этот год,
коснуться губ как вишенки похмельных,
по парку, вниз к реке, на эшафот,
где в шутовском облике растленье.
Оно удобрит землю без меня,
а мне хоть год, а может, два – ведь малость.
Секунды восхитительного дня
идут-бегут. В них женщина осталась,
моя любовь – бубенчик красоты.
Журчит ручей, отравленный подонком.
К ногам его величества цветы
несу неустойчиво, негромко.
Считаю сны, считаю голоса.
Вот там отец, Хозяин, дверь седьмая.
И ложная тревога – стрекоза,
и злой рубец на сердце убивая
все ж не окончит. Походя глаза
ведите на последнюю страницу.
Там будут чудодейны небылицы,
там будет жизнь, как вечная страда.
И я, страдающая, буду пить до дна...
Коснуться губ, как вишенки похмельных
и можно умирать. Она одна
с фатою черной, с пеленою в сердце.

Играет перламутровое скерцо,
невидимый оркестр на образа
и душная ленивая гроза
неловко поменяет вдруг обличье
и превратится в коробочек спичек,
которые поджечь никак нельзя,
иначе я сгорю, сойдя с ума,
а мне хотя б глоток еще досталось!
Картонный дом, гульба или чума
невыпитой любви степной усталость.

Азия

Роскошнейший палас:
на теле след зимы.
Какое у тебя веселенькое тело.
В нем не летали мы,
не воевали мы.
Душа жила-была,
но все же отлетела
на перекрестке Бурь
лови ее, лови.
Подставь от чистоты
румяные ладошки
И нераскосых глаз
любимый Таиланд
придирчив и красив
как у дворянской кошки.
Зайду побитый гранд
с ужимкой дикаря,

в твоих ногах смирясь
цветы от битой вазы.
Как падчерица ночь
моя твоя ничья
и грудь, что для любви
вся в чувственных алмазах.
Тяжелый взмах руки —
Где грация твоя?
Играет пальцев всплеск
на ломаной гитаре.
Камбоджа нежных губ
и поясок-змея,
волос затейных блеск
в есенинском угаре.
Я все в тебе приму,
я все тебе отдам,
пусть голос не дрожит,
пускай душа не судит.
Чудесных плеч Вьетнам
с собою говорит
лоскутья чутких глаз
во мне сомненья будят.
Любимый Таиланд,
Камбоджа и Вьетнам:
играют малыши
все заняты собою
ты Азия моя
на карте черный храм,
спины искрящий плащ
как небо голубое.

Солнышко

Вырву волос на память
на долгую память
Усну.
И проснусь через многие годы забвенья
выткну очи бессилья
поставлю другие в сомненье
будут видеть?
По запаху вас различу!
Кто вас может обидеть
вы сами звездой предпечальной
обернулись в четырнадцать
дальше веселая драка
через дюжину бицепсов
я проползаю собакой
Вы вся в музыке
ну научите Шопену
спойте голосом Ленского
веселую мне тарантеллу
спойте
рядом Омон
разве это дубье виновато
что поет саксофон
по поэтовой страсти крылатой
Вы повязку черную
с глаз моих снимите
буду я полковником
в дырках стонет китель
Полковник, полковник
зачем ты рыдаешь
в ромашках

зачем раздеваешь
в затрещинах застывшую замарашку
Зачем обезумев
кричишь «Але!», тонко
девчоночка полуночная
пронзенная спит
с подонком
а он на коленках мочится
мамку кричит пьяный
а он
как садовничий дождь
вертикально-обидчив, стеклянный.
Стекается
в лужи глупые
в них смотреться
увидишь лишь только рожу
а хотел бы видеть сердце
покрытое серой рогожей
Оно в пятная усталое
пятна бывают на солнце
Ты мое солнышко раннее,
разбитое в рань оконце!
Бегущей толпой митинговой
за этого мы!
за того!
Не знаю какая ты...
больно!
Сними с меня черное, но
Боюсь побелеют ранки
моих невеселых глаз
Руки, как лесбиянки
провозглашают нас.
Не ходите

по малую ягоду
там медведь,
не смотрите во сне на пагоду
падает ведь!
Тень от пагоды,
а пагода в Лаосе
очень много хочется мне
в осень
хочется и это мне и то
хочется мне новое пальто
хочется влюбиться в бабу, в осень
хочется,
а пагода в Лаосе.
Хочется напиться с дураком
стукнуть по столу рукой шершавой
выкрикнуть
и встать перед полком
одиноких девушек кудрявых
Это ль не березки?
Как дрожат
Как любил березки Алексеев!
Я любить их вовсе не умею.
Слезки на березках тех дрожат
Виноват
конечно виноват
что тебя забыть уже не в силах
хоть на Волге спит другая дива
Сон ей губят
с башенок трубят.
Обе вы – волшебное стекло
чрез какое можно видеть то
что глаза сначала и не скажут
ну а мне бы зимнее пальто

...Мне б шинельку,
Господи,
я знаю
я Башмачкин
в стужу умираю
сплю-досплю
до пятой авеню
и молюсь
не Богу, а царю
ну а может просто говорю
Солнышком Вас теплым называю!
5 мая 1996г., три часа ночи

Поэма разноцветных волос

Белое

Белая станция в белом сиянии.
Ваше сиятельство, выйди к барьеру..
Белая роза дает подаяние
белому ворону – офицеру.
Бел карусельщик. Плохи его десны.
Пышку изложет и то поперхнется.
Белые некорабельные сосны!
Солнце вам в белые души плюется.
Пепельный цвет пацана из Дахау.
Девочка, что ж вы так долго любили.
Спелые вишни на ветках усталых.
Спелые вишни упали, разбились.
Ну так пируйте, но знайте хоть меру.
Злые вассалы, шуты, интриганы
Самую лучшую в мире гетеру
бросьте рассерженному хулигану.
Только ни капельки светлой слезинки.
Кровь голубая горит словно всполох.
В лужах зеркальных держись невидимкой.
Белыми нитями падает волос
на канапе тополиного пуха,
рядом гадают, смеется старуха.
Будет ли принц? Не коверный ли рыжий?
Ближе любимая, где же ты, ближе...

Хочется думать о маленьком сыне,
страхи придумывать там, где и нет их.
Так и останутся в днях этих светлых
белые волосы Екатерины.

Зеленое

Ворожит лист десятое число
И где-то филин ухает тревожно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Последний бой за счастье, за успех.
Отдайте струны горестные эти.
Ведь ты среди живущих лучше всех
на самых горьких том и этом свете.
Кто скажет, что держать тебя слабо
на прутике земного бездорожья.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.
Как все-таки мелодия права.
Она тревожит, ранит, глушит, губит.
И тем, кто чувства прячет в рукава
она последний подвиг не отсудит.
Любить и петь, с друзьями пить вино
уже сильнее и слаще невозможно.
Трава, в которой умирал Рембо,
как волосы твои неосторожна.

Желтое

Помнишь, разбились. Пошли на посадку.
Вокруг НЛО, кэгэбисты крутые.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась зернами золотыми.
Мой мозг фиолетов, читаем газетки.
Сенсации чувственны ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не спится?
Людам с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится,
ищет живое над мертвыми нами.
Жду поцелуя, он высох как осень.
Три разноцветных слезинки как чудо.
Мы, неживые, кого еще спросим?
Мы не ушли еще, спим беспробудно.
Спим, догорает веселье шальное.
Возле сортира капелла из зеков.
Вологда – ссыльный ребенок в полвека.
Вологда – долгое поле без боя,
Без интонаций, березок, без песен.
Песни ушли, авиаторов двести
небо застлало своими крестами...
Милая, трудно рождаться, я знаю.
Думаю – воля. Ах нет, недолеты,
злые уроды из памяти встали:
космополиты и космопилоты.
В космосе что-то чудесное с нами.
Помнишь, разбились. Как будто и не жил.
Ты в катапульте творишь выкрутасы.

Помнишь отвисшее знойное небо,
словно фельдъегерша после инфаркта.
Молча вещаешь: докучлив попутчик.
Небо. Ах, это огромное небо!
Молнией свежою как авторучкой
чиркнет автограф. Любви вам да хлеба!
Падает камнем, а надо бы птицей.
Как же такое могло приключиться?
Падаем вместе в полях под Рязанью.
Волосы, желтые от химикалий
Снимков разбросанных желтая гамма.
Милая! Сколько домов на пригорке.
Милая, кончилась наша программа.
Имя боюсь произнести ненароком.
Звуки рассыпались в желтеньких лужах.
Рядышком с озолотившимся Блоком
кружимся в экологической стуже.
Други мои на сенсации падки.
Пусть ты сегодня не с нами, а дома.
Волос твоих тонких цветочная грядка
рассыпалась у моего космодрома.
Мы оба поэты и в желтом виденьи
мы все же сближаемся медленно, робко.
Наши сонеты и стихотворенья:
запах антоновки и винтовки.
Мой мозг фиолетов, читаем газетки..
Сенсации чувственны, ежели редки,
а жены уже пацанов не рожают,
летают они в поднебесье, летают.
Помнишь, разбились. Кому здесь не спится?
Людам с большими как фары глазами.
И медсестричка не спит, матерится,
ищет живое над мертвыми нами.

Черное

Моя любовь как стая волков
грызущих своего собрата,
а впереди немислимая дата
знакомства жуткого. Мы – дети сентября.
Она бежит через Булонский лес который
не отошел от тягостных пожаров,
а ветра дух – уже немного старый,
он тишину слегка разбередил.
Горит Булонский лес (и пляска
огня летит по ветвям обреченным
и живность вся сначала замерла,
потом спасаясь все бросились бежать
ища где тень блаженствует в тиши,
а милая моя не разбирая дороги
все мечется услышав вертолет.
Ах, как устал, приличья соблюдая,
ведь заключить ее в свои объятия
не поздно, право. Треск больших деревьев,
пылающее небо над шатрами
юдского счастья, дальше только море!
Мечта о море. Господи, вода
и блеск волос пречерных и прекрасных
с остатками взмывающего пепла,
похожего так на мышей летучих.
На море штиль. Шарманщик пьет вино
и брызги струй шампанских
нам в лица бьют, смеемся от души.
И ты поешь мне песню
про то как загорелся Булонский лес.
Как черные виденья монахи разбежались по углам.

Как голубь и голубка взметнулись ввысь, и как она
погасла,
а голубь в исступленьи повторял: Люблю, люблю! —
склонясь над телом бедным, которое покинула душа.
Потом она молчала. И черный шлейф волос
раскинулся как антрацит в пустыне.
И я сказал: Моя любовь как стая
волков, грызущих своего собрата,
а позади немислимая дата
знакомства жуткого. Мы — дети сентября,
и года последнего от Рождества Христова;
Она не знала, сон смежил ей очи.
Ей снился лес, который не горел,
который жил и в нем жила любовь

Красное

Красная ночка, а в ней колыбелька.
Ранняя дочка и сад — в нем скамейка.
Скатертью белое небо тревожно падает навзничь
на красные капли из кожи.
Вылезет струйка словес неподвласных.
Красные волосы. Красное в красном.
Кто тут краснеет
от выпитой враз бормотухи?
Были красивые
вы в плиссированных юбках
а стали старухи.
Руки потрескались,
стало их жалко.

Кофтенка уж их не спасает.
Они словно тучи
над Вологодой промерзают.
А ты? Ты с огнем, видно, дружишь. В забвеньи
беснуется лекарь любви окаянный.
Красных губ и волос полубред, полупохоть
и полужеланье греха, и желание манны небесной.
Я на формуле счастья
несусь с разворотом как тот сумасшедший бразилец.
Тыходишь легка, полубред, полупохоть,
и полужеланье греха, словно брошенный в бурю эсминец.
Уходит пока
неулыбчив студент-забияка. Любуются люди тобою.
Ты в красном вине, в молоке,
красноватом от ягод восточных.
Может увеличитель включил.

Ты на снимке при красном таком фонаре.
Время смуты. И ты на каком-то глобальном дворе.
Там танцуют под мертвую сушь лилипуты.
Красной девочке места уже не досталось.
В плену рук лакейских, дрожащих
витрина больших самомнений
бумажных и чувственных.
Разом приходит расплата в любви.
Ржут скальпелем душу кровавые пальцы,
теплеют, не знают они про тебя, а зачем?
Было озеро непредсказуемо
чудного дня, сорок восемь маевок
и с песнями кладбище
в Солнечном городе, где твои волосы гордые

в красном таком опереньи. Любуюсь.
Беременен лес тишиной в воскресенье.
Гуляю на крохотном острове.
Смерть. Воскрешенье. С тобой.

Оглавление

Валерий Архипов	ЖИЗНЬ – СКАЗКА	3
Об авторе		3
Колодец памяти		5
«Падаешь медленно...»		6
Стонет ясеня		7
«Ты в моей комнате. Чья же ты чья?..»		8
Лунные собаки		9
«Закатилась моя душа в колодец...»		10
«Останови растение ума...»		10
Поздняя осень		12
О любви		13
«Нет больше черных дней...»		17
«Мы встретились на кладбище любви...»		18
«Читали книгу Бытия...»		19
Январь		20
«Не случайна минута...»		21
Шанель номер пять		22
Жизнь		23
Позови		24
«Не гадай, кукушка...»		25
«Пророчица вся в черном (сон ли явь?)...»		27
«Студент жевал калач московский...»		31
«Январь. Новый Год...»		32
Белый стриж		33
Чапаев скачет		34
Колыбельная		36
«Вот упал он и жалобно хрустнул...»		37
Трамвайное одиночество		38
С кого спросить		39

Избушка	40
«Белый парус любви — словно знак отступленья от истин...»	46
«Играем Стриндберга, а хочется вина...»	46
«Басурманят опять снегири...»	47
«Мечтала ты в Венеции чужой...»	48
«Стынет пунш одиноко в спальне...»	49
«Между нами стена из кленовых листьев...»	49
«Бетховен плакал у каминных стен...»	50
«Вот и памятка в конверте...»	51
«Уверяли ...»	51
«Пахло клевером. Медом, страхом...»	52
«Мы ранены...»	53
«Я боялся коснуться твоих овец...»	54
Автобус	56
«Всё началось с любви...»	58
«Страсти по белому, чистому снегу...»	60
«Женщина тушила сигареты...»	60
«Я слышу твой запах, — ты пахнешь горячей ванилью...» ..	62
«Орелия — чудесная страна...»	63
«Взял залитый квасом бубен...»	64
«Не открывайте двери никому...»	65
Осень	66
«А когда ты пришла на рассвете, то ли боль, то ли хмель хватая...»	66
«Посади мою печаль в ломанные санки...»	67
«Любимая, мы же ведь скальды с тобой...»	67
«Мне кажется, что Джильда умерла...»	68
«Пусть говорят, что я лукавый маг...»	70
«Мой весёлый жгучий деспот...»	70
«Вот девочка Варя и девочка Нина...»	71
«Голубизна фонтанов ежевичных...»	72
«Я целовать тебя не буду...»	72

«Мой невесте ноги...»	74
«Смотрю как безумные рвутся олени...»	74
Беда	75
«Я не спал в эту ночь...»	76
«Фриволен бег твоих изящных рук...»	77
Время дуэлей	77
«За какой такой грех мне сегодня не выпала ты?..»	79
«Некрасивая женщина в гостях у полковника...»	79
«И вот когда я вызнал плоть твою...»	82
«Ах, мама, мама...»	83
Жизнь — сказка	84
«И у меня было море которого ты не знаешь...»	86
Титаник	87
Пятый	93
Озеро Рица	97
«Бейте красных, белых и жидов...»	100
Песня	101
Хозяйка пивной	102
«Не кусайся волчонок негибкий...»	104
«Бежит безумный рикша...»	105
Наташа. Ходынка	106
«Купи мне куклу Барби...»	109
«Вот Шуберт, ля мажор...»	111
Запретная зона	112
«Жизнь, дай прожить хотя бы этот год...»	113
Азия	114
Солнышко	116
Поэма разноцветных волос	120
Белое	120
Зеленое	121
Желтое	122
Черное	124
Красное	125

Валерий Архипов

Жизнь — сказка

Составитель Галина Щекина

Художник Евгений Родионов

Фотограф Ната Сучкова

Валерий Архипов родился в 1951 в Чойбалсане (Монголия), живет и работает в Вологде. Окончил московский Литературный институт им. Горького. Член Союза российских писателей.

Автор поэтических книг «Резервация», «Съемка рапидом», «Страсти по Эвтерпе», «Время дуэлей», «Выдумки мага», «Расстрельные списки», «Между бранью и радостью». Пишет стихи, поэмы, драмы, прозу, рецензии. В 2014 году В. Архипов стал дипломантом Прокошинской премии в номинации «За собственный голос в поэзии».

«Жизнь – сказка» – книга избранных стихов поэта, известных по выступлениям, но редко публикуемых. В заголовке есть нота иронии. Высокая эмоциональность, сгущенность образов, невероятная экспрессия – все это позволяет звучать поэзии Валерия Архипова свежо и современно.

ISBN 978-5-4496-8948-1

9 785449 689481 >